

В НОГУ С ТОВАРИЩАМИ

Перевод с английского – Татьяна Азаркович
по изданию: Walking with the Comrades © Arundhati ROY, 2010 /
Outlook, www.outlookindia.com.

For presentational & educational purposes only
(серия letterra.org: 024)

В НОГУ С ТОВАРИЩАМИ

Короткая записка, отпечатанная на машинке и просунутая под мою дверь в запечатанном конверте, подтверждала условленную встречу с представителями Самой Серьезной Внутренней Угрозой Безопасности Индии. Я уже несколько месяцев ждала вестей от них. Мне нужно было оказаться у мандира* Ма Дантешвади в Дантеваде, штат Чхаттисгарх, в любой из четырех условленных часов в два оговоренных дня. Это учитывало такие случайности, как непогода, проколы, заторы, забастовки транспортников и просто невезение. В записке говорилось: «У писателя должна быть фотокамера, тика** и кокос. У встречающего будет кепка, журнал “*Outlook*” на хинди и бананы. Пароль: Намаскар Гуруджи».**

Намаскар Гуруджи. Я подумала – а не будет ли этот Встречающий и Приветствующий ожидать мужчину? Может, приклеить себе усы?

Дантесваду можно описывать по-разному. Это оксиморон. Это пограничный по духу город в самом сердце Индии. Это эпицентр войны. Это город-перевертыш: вверх тормашками, шиворот-навыворот.¹

В Дантеваде полиция ходит в гражданской одежде, а повстанцы – в форме. Тюремный надзиратель сидит в тюрьме. Узники свободны (триста заключенных сбежали из старой городской тюрьмы два года назад). Женщины, подвергшиеся насилию, содержатся под стражей в полиции. Насильники выступают с речами на базаре.

* Мандир – храм.

** Тик(к)а – пятнышко, нанесенное на лоб красным порошком.

*** Namaskar – индийское приветствие, guru – «учитель», -ji – уважительный суффикс.

На другом берегу реки Индравати, в зоне, контролируемой маоистами, находится место, которое полицейские называют «Пакистаном». Деревни там пусты, но лес полон людей. Дети, которым полагается ходить в школу, бегают без призора. В красивых лесных деревушках бетонные здания школ либо взорваны и превращены в груды щебня, либо сделались оплотами полиции. Смертельная война, разворачивающаяся в джунглях, – это война, вселяющая в правительство Индии и гордость, и застенчивость. Оно и провозгласило операцию «Зеленая Охота», и отрицало ее. П. Чидабарам, министр внутренних дел Индии (он же – главный распорядитель этой войны), утверждает, что никакой войны не существует, что все это – домыслы журналистов. Однако на ее ведение ассигнуются внушительные денежные средства, мобилизуются десятки тысяч вооруженных отрядов. Хотя театр военных действий находится в джунглях Центральной Индии, война эта будет иметь серьезные последствия для всех нас.

Если призраки – это задержавшиеся духи кого-то, или чего-то, уже переставшего существовать, тогда, пожалуй, это новое четырехполосное шоссе, прорезающее лес, – полная противоположность призрака. Возможно, это предвестник чего-то еще не наступившего.

Антагонисты в лесу несопоставимы почти по всем параметрам. С одной стороны – могучая военизированная сила, вооруженная деньгами, огневой мощью, средствами массовой информации и спесью восходящей Сверхдержавы. С другой стороны – простые селяне, вооруженные обыкновенным оружием, за которыми стоит великолепно организованная, невероятно мотивированная боевая партизанская сила маоистов, имеющая за плечами исключительный и бурный опыт вооруженных восстаний. И партизаны-маоисты, и официальная военщина – давние противники; в предыдущих своих аватарах они уже несколько раз сражались друг с другом: в 50-х годах – в Телангане; в конце 60-х и в 70-х – в Западной Бенгалии, Бихаре, Шрикакуламе и Андрха-Прадеше; затем, с 80-х годов и до сегодняшнего дня, они снова воюют в Андрха-Прадеше, Бихаре и Махараштре. Каждая сторона знакома с тактикой врага, они внимательно изучали боевые руководства противника. И всякий раз казалось, что

маоисты (или их предыдущие аватары) не просто разгромлены, а буквально, физически истреблены. Но всякий раз они заново поднимали голову – еще лучше организованные, еще более решительные и влиятельные, чем раньше. Вот и сегодня восстание прокатилось по богатым рудами лесам штатов Чхаттисгарха, Джхаркханда, Ориссы и Западной Бенгалии, которые являются родиной для миллионов исконных племен Индии – и лакомым куском в глазах цивилизованного, организованного в корпорации, мира.

Либеральному сознанию легче успокоиться на мысли о том, что эта война в лесах – просто война между правительством Индии и маоистами, которые называют выборы надувательством, а парламент – свинарником, и которые открыто заявляли о своем намерении покончить с индийским государством. Очень удобно не помнить о том, что история сопротивления коренных племен Центральной Индии старше самого Мао на многие века. (Разумеется, это трюизм. Если бы это было не так – их, этих племен, давно бы уже не существовало.) Племена хо, ораон, колы, санталы, мунда и гонды – все они не раз восставали против своих угнетателей – британцев, заминдаров* и ростовщиков. Восстания жестоко подавлялись, были убиты тысячи людей, но народы эти так и не покорились. Даже после провозглашения Независимости коренные племена оказались ядром первого мятежа, который можно было бы назвать маоистским, – в деревне Наксалбари в Западной Бенгалии (от ее названия и произошло слово «наксалиты» – теперешний синоним слова «маоисты»). С тех пор политика наксалитов неразрывно связана с племенными восстаниями, что в равной степени характеризует и сами племена, и наксалитов.ⁱⁱ

Это наследие – опыт прежних восстаний – сплотило яростный народ, который индийское правительство намеренно изолировало и вытеснило на обочину. Конституция Индии, этот моральный фундамент индийской демократии, была принята парламентом в 1950 году. Это оказалась трагическая для коренных племен дата. Новая конституция ратифицировала колониальную политику и превратила государство в стража и попечителя земель, принадлежащих

* Заминдар – крупный землевладелец.

коренным народностям. В один день все исконное население страны превратилось в «самовольных поселенцев» на собственной же земле. Конституция лишила этих людей традиционных прав кормиться лесом, превратила сам образ их жизни в преступление. В обмен на избирательное право она отняла у них право на средства к существованию и достоинство.

Лишив их всего и ввергнув их в нисходящую спираль нужды, путем жестокого мошенничества правительство начало использовать в борьбе против них их же нищету. Всякий раз, когда ему требовалось переселить огромное количество людей – из-за возведения плотин, ирригационных проектов, разработки рудников, – оно принималось толковать о «пользе приобщения коренных племен к общему течению», или о необходимости познакомить их с «плодами современного развития». Из десятков миллионов перемещенных внутри страны людей (свыше 30 миллионов – из-за одних только плотин), этих беженцев индийского «прогресса», подавляющее большинство – представители исконных племен. Когда правительство заговаривает о благополучии племен – время бить тревогу.

Последним, кто выражал обеспокоенность по этому поводу, был министр внутренних дел П.Чидабарам: он заявил, что против вырождения образа жизни традиционных племен в «музейную культуру». Благополучие коренных племен отнюдь не являлось для него столь важным вопросом в бытность его адвокатом корпоративных прав, когда он представлял интересы нескольких крупных добывающих компаний. Так что, быть может, стоит попытаться понять, откуда у него взялось основание для нового беспокойства.ⁱⁱⁱ

За последние пять с лишним лет правительства штатов Чхаттисгарха, Джхаркханда, Ориссы и Западной Бенгалии подписали сотни меморандумов о договоренности (МД) с различными корпорациями стоимостью в несколько миллиардов долларов, причем все – тайно, о строительстве сталеплавильных заводов, цехов по производству губчатого железа, электростанций, заводов по очистке алюминия, плотин и о разработке рудников. А для того, чтобы превратить эти МД в реальные деньги, необходимо переселять корен-

ные племена.

Потому и ведется эта война.

Когда страна, называющая себя демократией, открыто объявляет войну внутри собственных границ, то как же выглядит эта война? Есть ли у сопротивленцев надежда на победу? Должна ли она быть? Кто такие маоисты? Просто неистовые нигилисты, навязывающие коренным племенам устаревшую идеологию, подстрекающие их к обреченному бунту? Какие уроки вынесли они из опыта прошлых боев? Является ли такая вооруженная борьба недемократичной по существу? Верна ли «теория сэндвича» – гласящая, что «обычные» племена попали в перекрестный огонь между государством и маоистами? Являются ли «племена» и «маоисты» двумя совершенно различными категориями населения, как нас хотят убедить? Сходятся ли их интересы? Научились ли они чему-нибудь друг от друга? Изменили ли они друг друга?

За день до отъезда мне позвонила мама. Голос у нее был сонный. «Знаешь, я тут подумала: что нашей стране нужно – так это революция». В ней говорил сверхъестественный материнский инстинкт.

В одной статье, опубликованной в Интернете, говорится, что в израильском Моссаде 30 высокопоставленных полицейских чиновников обучаются технике прицельных убийств – с тем, чтобы «обезглавить» маоистскую организацию. В прессе ведутся разговоры о новом «хардвере», закупленном в Израиле: это лазерные дальномеры, приборы для формирования инфракрасного изображения и беспилотные самолеты, очень популярные в армии США. Безупречное оружие против голытьбы.

От Райпура до Дантевады – 10 часов езды по территории, которую называют «зараженной маоистами». И это не просто небрежные слова. «Заражать, зараза»: эти слова подразумевает наличие болезни, паразитов. Болезнь нужно лечить. Паразитов нужно уничтожать. Маоистов нужно ликвидировать. Вот таким, вкрадчивым и вроде бы безобидным образом, в наш лексикон вползают словечки из языка геноцида.

Чтобы защитить шоссе, силы безопасности «обезопасили» узкую полосу леса по обе стороны от него. За этой

полосой простирается радж «Дада лог». Владения Братьев. Товарищей.

На окраине Райпура огромный рекламный щит сообщает об Онкологической клинике «Веданты» (это название компании, в которой когда-то работал наш министр внутренних дел). В штате Орисса, где «Веданта» добывает бокситы, она финансирует университет. Вот таким, вкрадчивым и вроде бы безобидным образом, добывающие компании вползают в наше сознание: «Нежные Заботливые Великаны». Это называется КСО, «корпоративная социальная ответственность». Она позволяет добывающим компаниям уподобиться тому легендарному актеру и бывшему первому министру NTR, который любил играть все роли в кинолентах на сюжеты мифологии телугу – и хороших, и плохих парней, всех сразу, в одном и том же фильме. За этой КСО на деле прячется возмутительная экономика, поддерживающая добывающий сектор в Индии. Например, согласно последнему отчету Локаюкты по штату Карнатака, с каждой тонны железной руды, добытой частной компанией, правительство получает в виде отчислений 27 рупий, тогда как сама добывающая компания наживает 5000 рупий. В бокситовом и алюминиевом секторах с цифрами дело обстоит еще хуже. Речь идет о грабеже среди белого дня в размере миллиардов долларов. На такие деньги можно купить все: выборы, правительства, суды, газеты, телеканалы, неправительственные организации и адвокатские конторы. Что для них такое – парочка онкологических клиник?

Я не помню, чтобы «Веданта» находилась в длинном перечне МД, подписанных правительством штата Чхаттисгарха. Но у меня достаточно испорченное воображение, чтобы заподозрить: раз где-то возникла онкологическая клиника, значит, где-то в другом месте должна вырасти бокситовая гора с плоской вершиной.

Мы проезжаем Канкар, знаменитый своим Колледжем контр-терроризма и войны в джунглях, который возглавляет бригадный генерал Б.К.Понвар, злой гном этой войны. На которого возложена задача превратить соломинку в золото – коррумпированных и ленивых полицейских в настоящих командос, уверенно рыщущих по джунглям. «Воюй с партизанами по-партизански» – таков девиз этой школы воен-

ной подготовки, намалеванный на скалах. Там учат бегать, ползать, запрыгивать в воздушно-десантные вертолеты и прыгивать с них, зачем-то ездить верхом, есть змей и кормиться джунглями. Бригадный генерал очень гордится тем, что натаскивает на борьбу с «террористами» уличных собак. Каждые полтора месяца его школу военной подготовки заканчивают восемьсот полицейских. По всей Индии планируется построить еще двадцать таких же школ. Полицейские отряды постепенно превращают в армию. (А в Кашмире ситуация обратная. Там армию превращают в раздутую административно-полицейскую силу.) Вверх тормашками. Шиворот-навыворот. Так или иначе, Враг – это Народ.

Уже поздно. Джагдалпур спит, если не считать щитов с плакатами Рахула Ганди, призывающими людей вступать в Молодежный конгресс. За последние месяцы он побывал в Бихаре дважды, но про войну и не обмолвился. Наверное, это слишком грязная тема, чтобы Народный Принц совал в нее сейчас свой нос. Видимо, его руководители медиа-службы были решительно против этого. Тот факт, что Салва-Джудум – наводящая ужас, спонсируемая правительством группировка «комитета бдительности», на чьей совести – изнасилования, убийства, поджог деревень и выселение сотен тысяч людей из их домов, – возглавляется Махендрой Кармой, депутатом законодательного собрания Конгресса, смотрится не слишком выигрышно на фоне старательно спланированной рекламной шумихи вокруг персоны Рахула Ганди.

Я прибыла к условленному месту встречи, к мандиру Ма Дантешвари, вовремя (в первый же из назначенных дней, в первый оговоренный час). При мне был фотоаппарат, небольшой кокос, на лбу у меня красовалось красное пятнышко – тика. Мне пришло в голову, что, посмотрев на меня, пожалуй, можно рассмеяться. Через несколько минут ко мне подошел совсем юный мальчишка. На нем была кепка и школьный рюкзачок. Остатки осыпавшегося красного лака на ногтях. Ни “*Outlook*”а, ни бананов. «Это вы к нам приехали?» – спросил он меня. Никакого «Намаскар Гуруджи». Я растерянно молчала. Тогда он вытащил из кармана промокшую записку и передал ее мне. Там говорилось: “*Outlook nahin mila*” (не смог найти “*Outlook*”).

«А бананы?»

«Я съел их, – ответил мальчишка. – Есть захотелось». Он и впрямь представлял угрозу безопасности.

На рюкзачке у него была надпись: «Чарли Браун – не какой-нибудь тупица». Он сказал, что его зовут Мангту. Скоро мне предстояло узнать, что в Дандакаранье, в том лесу, куда я собиралась проникнуть, полно людей, имеющих множество имен и словно текучую личность. Мне такая мысль принесла утешение. Как это здорово – не фиксироваться на своем «я», уметь ненадолго стать кем-то другим.

Мы дошли до автобусной остановки – всего в нескольких минутах ходьбы от храма. Там уже собралась толпа. Все произошло быстро. Подъехали двое на мотоциклах. Разговора не было – лишь быстрый обмен взглядами, заброска на сиденья, гул моторов. Я понятия не имела о том, куда мы едем. Мы проехали мимо дома старшего полицейского (СП), который я помнила по своему прошлой поездке сюда. Он оказался чистосердечным человеком, этот СП: «Понимаете, мадам, если говорить начистоту, то эту проблему не смогут решить ни полиция, ни армия. Вся проблема с этими племенами – из-за того, что им незнакома жадность. Если они не станут жадными, нам с ними не справиться. Я уже говорил своему начальнику: уберите все эти отряды и подарите им по телику в каждый дом. Тогда все проблемы сами собой отпадут».

Очень скоро мы выехали за пределы города. Хвоста нет. Ехали долго – по моим часам, часа три. И внезапно остановились непонятно где: пустынная дорога, с обеих сторон лес. Мангту слез с мотоцикла. Я тоже. Мотоциклы уехали, а я надела рюкзак и пошла в лес, следуя за маленькой внутренней угрозой безопасности. Погода стояла чудесная. Лесная подстилка казалась золотым ковром.

Вскоре мы оказались на белых песчаных берегах широкой плоской реки. Река явно питалась муссонами, так что теперь она представляла собой нечто вроде песчаной равнины, а посередине бежал поток, доходивший до лодыжки, так что вброд его переходить было легко. На другом берегу находился «Пакистан». «Там, мадам, мои парни стреляют на поражение», – говорил мне чистосердечный полицейский. Я вспомнила его слова, когда мы начали переходить реку. Я

мысленно увидела нас обоих в ружейном прицеле полицейского: крошечные фигурки на фоне пейзажа – куда как легко по ним пальнуть. Но Мангту, похоже, об этом совсем не думал, и я последовала его примеру.

На другом берегу нас ждал Чанду в желто-зеленой рубашке с надписью *Horlicks!* Еще одна угроза безопасности, немножко постарше. Лет, пожалуй, двадцати. У него была милая улыбка, велосипед, канистра с кипяченой водой и куча пакетиков с глюкозным печеньем для меня – подарки от партии. Мы перевели дух и снова зашагали. Велосипед, как выяснилось, был всего лишь отвлекающим маневром: дорога была совершенно непригодна для езды на велосипеде. Мы карабкались по крутым склонам и спускались по скалистым тропам по краю опасных уступов. Когда Чанду не мог катить велосипед, он поднимал его и нес над головой, как пушинку. Я начала сомневаться – быть может, его внешность смущенного деревенского паренька обманчива? Потом (много позже) я узнала, что он владеет всеми видами оружия – «кроме LMG»*, как он сам весело сообщил мне.

В течение получаса, пока наши пути не разошлись, вместе с нами шли трое мужчин, красивых и вдрызг пьяных, с цветами в чалмах. На закате их заплечные сумки вдруг закукарекали. В сумках сидели петухи: их носили на базар, но так и не продали.

Похоже, Чанду видит в темноте. А мне приходится пользоваться фонариком. Застрекотали сверчки – и вскоре звучит уже целый оркестр, звуки над нами словно поднялись куполом. Мне очень хочется взглянуть на звездное небо, но я не отваживаюсь. Мне нужно смотреть себе под ноги. На каждом шагу. Сосредоточиться.

Я слышу лай собак. Но трудно сказать, с какого расстояния он доносится. Местность выполаживается. Я украдкой бросаю взгляд на небо. Оно приводит меня в экстаз. Надеюсь, скоро мы остановимся. «Скоро», – говорит Чанду. На деле, идем мы еще больше часа. Я вижу силуэты огромных деревьев. Мы пришли.

Деревня кажется обширной, дома стоят далеко друг от друга. Дом, куда мы приходим, красив. Пылает очаг, вокруг него сидят люди. Другие люди находятся снаружи,

* LMG – ручной пулемет.

в темноте. Не знаю, сколько их, мне лишь видны их фигуры. Раздается неясный гул. *Lal Salaam Kaamraid* (Красный привет, Товарищ). *Лал Салаам*, отвечаю я. Я зверски устала. Хозяйка дома зовет меня внутрь и угощает цыпленком в соусе карри, приготовленным со стручковой фасолью и бурым рисом. Изумительно. Рядом со мной спит ее крошечная дочка, в свете пламени поблескивают ее серебряные ножные браслеты.

После ужина я расстегиваю свой спальник. Какой странный, посторонний звук издает эта длинная молния. Кто-то включает радио. Би-Би-Си, вещание на хинди. Английская церковь отозвала свои фонды из проекта «Веданты» Ниямгири, приведя в качестве доводов загрязнение окружающей среды и ущемление прав племени донгрия-кондх. Я слышу звяканье коровьих бубенцов, сопенье, шарканье, кишечные выхлопы скотины. Все хорошо в мире. У меня закрываются глаза.

Мы на ногах в пять утра. В шесть уже выходим в путь. Через пару часов переходим еще одну реку. Мы проходим через несколько красивых деревень. Над каждой деревушкой растет целая семья тамариндовых деревьев – словно над ними склоняются огромные благосклонные боги. Он сладкий, этот бастардский тамаринд. К 11 часам солнце уже высоко, идти становится трудно. Мы останавливаемся в какой-то деревне, чтобы поесть. Чанду, похоже, знает людей в этом доме. С ним кокетничает красивая девушка. Он же держится скованно – может быть, из-за меня. Мы едим свежую папайю, масур-дал* с бурым рисом. И с порошком красного перца. Мы ждем, пока зной хоть немного не спадет, прежде чем продолжить путь. Мы ложимся поспать в садовой беседке. Здесь царит какая-то строгая красота. Все чистое, и все – только нужное. Никакого лишнего хлама. По низкой глинобитной стене расхаживает взад-вперед черная курица. Бамбуковая решетка придает устойчивость стропилам соломенной крыши, а заодно служит стеллажом для хранения. Я вижу травяную метлу, два барабана, плетеную тростниковую корзину, сломанный зонтик и целую кучу уплощенных, пустых, смятых картонных коробок. Тут что-то привлекает

* Красная чечевица.

мое внимание. Мне нужно надеть очки. А, вот что за надпись на картоне: «Идеальная Мощь 90 Эмульсионная Взрывчатка высокой энергии (Класс 2) SD CAT ZZ».

Около двух часов мы снова выходим в путь. В деревне мы должны встретиться с одной Диди (Сестрой, Товарищем), которой известно, каков будет следующий отрезок пути. Чанду это неизвестно. Информацию здесь тоже экономят. Никому не полагается знать все сразу. Но когда мы приходим в деревню, Диди там нет. От нее нет никаких вестей. Я впервые замечаю, как Чанду начинает слегка тревожиться. А я начинаю тревожиться не на шутку. Не знаю, как тут устроена система сообщения, но что, если она где-то дала сбой?^{iv}

Мы устраиваемся у заброшенного здания школы, на некотором отдалении от деревни. Почему все государственные деревенские школы представляют собой бетонные бастионы, со стальными ставнями вместо окон и со скользящими складными стальными дверями? Почему они не похожи на обычные деревенские дома – глинобитные, с соломенной крышей? Потому что они служат казармами и бункерами. «В деревнях в Абуджхмаде, – говорит Чанду, – школы такие...» Он берет веточку и чертит на земле план: три восьмиугольника, соединенные между собой наподобие сот. «Чтобы можно было стрелять во все стороны». Ни в одной из этих школ нет учителей, говорит Чанду. Они все разбежались. А может, это вы их разогнали? Нет, мы охотимся только за полицейскими. Да и зачем учителям забираться сюда, в джунгли, если они спокойно сидят себе дома и получают жалованье? В самом деле.

Он сообщает мне, что это «новая территория». Партия пришла сюда совсем недавно.

Приходят около 20 молодых людей – девушки и юноши. Кому-то чуть за двадцать, кому-то нет и двадцати. Чанду объясняет мне, что это деревенское ополчение – низшая ступень в военной иерархии маоистов. Я никогда раньше не видела людей, похожих на этих. Одеты они в сари и лунги (саронги), на некоторых – потрепанная солдатская рабочая одежда. На юношах – украшения, головные уборы. У каждого – винтовка, заряжаемая с дула, она называется *бхар-*

маар. У некоторых еще и ножи, топоры, луки со стрелами. У одного паренька при себе грубый миномет, сделанный из тяжелого куска железной оцинкованной трубы фута в три длиной. Он набит порохом и шрапнелью и готов к пальбе. От него много шума, но использовать его можно только один раз. Все равно, полицию он пугает, говорят со смешком молодые люди. Похоже, мысль о войне их совсем не гнетет. Возможно, это оттого, что их территория находится за пределами «участка обитания» Салва-Джудума. У них только что закончился рабочий день: они помогали сооружать изгородь вокруг деревенских домов, чтобы козы не заходили в поля. Это веселые и любопытные ребята. Девушки держатся с юношами уверенно и легко. Я к таким вещам очень восприимчива, и это производит на меня впечатление. Их работа, поясняет Чанду, состоит в том, чтобы патрулировать и охранять группу из четырех или пяти деревень, помогать в поле, чистить колодцы или ремонтировать дома – словом, делать все необходимое.

Диди все еще нет. Что нам делать? Ничего. Ждать. Помогать чистить и резать овощи.

После обеда все без лишних разговоров выстраиваются в ряд. Ясно, что мы куда-то пойдем. Все перемещается вместе с нами – рис, овощи, котлы и горшки. Мы покидаем школьные постройки и гуськом идем в лес. Меньше чем через полчаса мы доходим до поляны, где будем ночевать. Тут абсолютная тишина. Считанные минуты – и все уже расстелили свои синие пластмассовые подстилки, вездесущие “*джхилли*” (без которых Революция не состоится). Чанду и Мангту умещаются на одной подстилке, еще одну расстилают для меня. Они отводят мне лучшее место – у лучшей серой скалы. Чанду говорит, что отправил записку Диди. *Если* она ее получит, то будет здесь рано утром. Если она получит записку.

Это самая прекрасная спальня, в какой мне доводилось спать за последнее время. Мой частный номер-люкс в тысячезвездочном отеле. Вокруг меня эти странные красивые дети с их любопытным арсеналом. Разумеется, все они – маоисты. Значит, все они погибнут? И школа подготовки к войне в джунглях существует для борьбы с ними? И для них закупаются тяжело вооруженные вертолеты, тепловизоры и

лазерные дальномеры?

Почему они должны погибнуть? Чтобы все эти земли превратились в сплошной рудник? Вспоминаю свое посещение железорудного месторождения в Кеонджхаре, штат Орисса. Там когда-то был лес. И жили дети вроде этих. Теперь земля там напоминает кровоточащую красную рану. Красная пыль забивается в ноздри и легкие. Вода красная, воздух красный, люди красные, их легкие и волосы тоже красные. День и ночь по их деревьям грохочут грузовики – бампер к бамперу, тысячи грузовиков, – и везут руду в порт Парадип, откуда она отправится дальше в Китай. Там она превратится в автомобили, в дым и в целые города, вырастающие в одночасье на пустом месте. В «темпы роста», от которых приходят в такой восторг экономисты. В оружие для ведения войны.

Все спят, кроме часовых, которые сменяются каждые полтора часа. Наконец-то я могу глядеть на звезды. В детстве, когда я жила на берегах реки Мееначал, я думала, что стрекот сверчков – они всегда начинали стрекотать в сумерках – это звук, с которым заводятся звезды, готовясь зажечься. Меня саму удивляет то, что мне так нравится здесь. Сейчас мне не хотелось бы находиться ни в одном другом месте. Как бы мне назваться сегодня ночью? Товарищ Рахель, под звездами? Быть может, завтра придет Диди.

Они приходят вскоре после полудня. Я вижу их издалека. Их около 15 человек, все в оливково-зеленой форме, они бегут в нашу сторону. Даже издалека по тому, как они бегут, можно понять, что это важные люди. Партизанская Армия Народного Освобождения (ПАНО). Это для них закупаются тепловизоры и лазерные дальномеры. Для них создана школа подготовки к войне в джунглях.

Они несут серьезные винтовки – INSAS, SLR, два АК-47. Командир этого отряда – товарищ Мадхав, который состоит в партии с девяти лет. Он из Варангала в Андхра-Прадеше. Он сильно огорчен и приносит множество извинений. Произошло большое недоразумение, повторяет он снова и снова, обычно такого не происходит. Предполагалось, что меня доставят в главный лагерь в первый же вечер. Но кто-то, на каком-то этапе этой эстафеты в джунглях, допустил ошибку. Мотоцикл должен был забросить меня совсем в

другое место. «Мы заставили вас ждать, заставили так много пройти пешком. Мы бежали всю дорогу, когда получили сообщение, что вы здесь». Я ответила, что ничего страшного, я ведь заранее приготовилась ко всему – и ждать, и идти пешком, и слушать. Он хочет, чтобы мы отправились в путь немедленно, потому что люди в лагере ждут, они встревожены.

До лагеря несколько часов ходу. Когда мы туда добираемся, уже темнеет. Там в несколько рядов выставлены часовые, патруль образует концентрические круги. Должно быть, тут сотня товарищей, они выстроились в два ряда. При каждом – оружие. И улыбка. Они запевают: *Lal lal salaam, lal lal salaam, aane vale saathiyon ko lal lal salaam* (Красный привет прибывшим товарищам). Поют это нежно, словно какую-нибудь народную песню про речку, или про деревья в цвету. С песней – приветствие, рукопожатие, сжатый кулак. Все приветствуют друг друга, бормоча: *Lalslaam, mlalslaa mlalslaam...*

Кроме большого синего джхилли, площадью около 15 кв.м, расстеленного на полу, других признаков «лагеря» не видно. Здесь даже есть крыша из джхилли. Это моя комната для ночлега. Или меня вознаграждают так за несколько дней пешего хода, или заранее балуют перед предстоящими тяготами. А может, и то, и другое. Так или иначе, это был последний раз за все путешествие, когда у меня была крыша над головой. За ужином я знакомлюсь с товарищем Нармадой, отвечающей за Крантикари Адиваси Махила Сангатхан (КАМС), за чью голову объявлено вознаграждение; с товарищем Сароджей из ПАНУ, которая ростом со свой SLR; с товарищем Маасе (ее имя на языке гонди означает «Черная Девушка»), за чью голову тоже объявлено вознаграждение; с товарищем Рупи, ответственным за техчасть; с товарищем Раджу, главой той дивизии, с которой я шла по лесу; и с товарищем Вену (у него есть и другие имена, на выбор – Мурали, или Сону, или Сушиль), который явно старше всех по рангу. Может, он из ЦК, а может, даже из политбюро. Мне об этом не сообщают, я не задаю вопросов. Все говорят на разных языках – гонди, халби, телугу, пенджаби и малаяламе. По-английски понимает только Маасе. (Поэтому общаемся мы между собой на хинди!) Товарищ Маасе – рослая, спокойная; когда она вступает в разговор, то кажется, будто

ей приходится преодолевать заслон боли. Но по тому, как она обнимает меня, я догадываюсь, что она – читательница. И что ей не хватает книг здесь, в джунглях. Свою историю она расскажет мне гораздо позже. Когда поделится со мной своим горем.

Приходят дурные новости – так, как они приходят в этих джунглях. Их приносит бегун с «бисквитами». Это записки от руки на листках бумаги, сложенных в квадратик и скрепленных степлером. Ими набита сумка. Как чипсами. Новости отовсюду. Полицейские убили пятерых в деревне Онгнаар, четверых из народного ополчения и одного простого селянина: Сантху Поттаи (25 лет), Пхооло Вадде (22), Канде Поттаи (22), Рамоли Вадде (20), Далсаи Корам (22). Среди них могли быть дети с места моего предыдущего звездного ночлега.

Затем приходит хорошая новость. Ее приносит небольшой отряд людей с пухлым молодым человеком. Он тоже в солдатской рабочей одежде, только выглядит она только что сшитой. Все восхищаются этим костюмом, замечают, как хорошо он сидит. Молодой человек кажется робким и польщенным. Это врач, который прибыл, чтобы жить и работать с товарищами в лесу. Уже много лет в Дандакаранию не навещался врач. ^v

По радио передают новости о встрече министра внутренних дел с первыми министрами штатов, «зараженных экстремизмом левого крыла». Первые министры Джхаркханда и Бихара оказались благоразумны и не явились на встречу. Все, кто сидит вокруг радио, смеются. Поближе к выборам, говорят они, в разгар кампании, да еще потом, в течение месяца-двух, пока формируется правительство, все главные политики сыплют фразами вроде: «Наксалиты – наши дети». Можно уже по часам засекают, когда они переменят мнение и покажут клыки.

Меня представляют товарищу Камле. Мне говорят, что ни в коем случае нельзя отходить от своей подстилки, не предупредив ее. Потому что в темноте все теряются, и можно всерьез заблудиться. (Мне не приходится ее будить. Я сплю, как бревно.) Утром Камла выдает мне желтый полиэтиленовый пакет с отрезанным уголком. Когда-то там было

рафинированное соевое масло «Абис-Голд». Теперь это мой Ночной Горшок. На Пути к Революции ничто не пропадает даром.

(Даже теперь я все время, каждый день вспоминаю товарища Камлу. Ей 17 лет. На бедре у нее самодельный пистолет. И, боже, что за улыбка! Но если она попадетсЯ полицейским, они убьют ее. Быть может, сначала надругаются над ней. Без лишних вопросов. Потому что она – Внутренняя Угроза Безопасности.)

После завтрака товарищ Вену (он же Сушиль, Сону, Мурали) ждет меня, сидя со скрещенными ногами на джхилли, с виду – совсем как хрупкий сельский учитель. Мне приготовлен урок истории. Или, точнее, лекция по истории последних 30 лет в лесу Дандакаранья, которые завершились войной, ведущейся в нем сейчас. Разумеется, это партизанская версия. Но, если вдуматься, о какой истории этого нельзя сказать? В любом случае, тайная история должна становиться явной, если нужно опровергать ее, спорить с ней – а не просто лгать о ней, как это происходит сейчас.

У товарища Вену спокойная, обнадеживающая манера говорить и мягкий голос – спустя много дней он снова зазвучит в таком контексте, который просто подкосит меня. Сегодня утром он говорит – говорит несколько часов подряд, почти непрерывно. Он похож на маленького управляющего магазином с огромной связкой ключей от целого лабиринта шкафов, набитых рассказами, песнями и озарениями.

Товарищ Вену находился в рядах одного из тех семи вооруженных отрядов, которые 30 лет назад, в июне 1980 года, перешли Годавари из Андхра-Прадеша и вошли в лес Дандакаранья (ДК, как называют его на партийном «новоязе»). Он – один из тех первых сорока девяти. Они принадлежали к Народной Военной Группе (НВГ), фракции Коммунистической партии Индии (марксистско-ленинской), или КПИ(МЛ), к первым наксалитам. В апреле того года НВГ была официально объявлена самостоятельной, независимой партией под руководством Кондапалли Сеетхарамии. НВГ решила создать регулярную армию, а для нее требовалась база. Этой базой суждено было стать ДК, и те первые отряды были посланы сюда, чтобы провести рекогносцировку местности и приступить к созданию парти-

занских зон. Споры о том, должна ли компартия иметь регулярную армию, и не содержит ли понятие «народная армия» внутреннего противоречия, ведутся уже давно. Решение НВГ о создании армии было порождено опытом Андхра-Прадеша, где ее кампания «Землю – земледельцу» привела к прямому столкновению с землевладельцами и вылилась в такие полицейские репрессии, противостоять которым партия оказалась неспособна, не имея собственной обученной боевой силы.

(В 2004 году НВГ слилась с другими фракциями КПИ(МЛ), с Партией Единства (ПЕ) и Маоистским Коммунистическим Центром (МКЦ), который действует на территории большей части Бихара и Джхаркханда. Чтобы стать тем, чем она является сейчас – Компартией Индии (маоистской).)

Дандакаранья – это часть той территории, которую британцы, в свойственной им манере «белого человека», называли Землей гондов. Сегодня по этому лесу пролегли границы штатов Мадхья-Прадеш, Чхаттисгарх, Орисса, Андхра-Прадеш и Махараштра. Расколоть беспокойный народ, расчленив его землю на разные административные единицы – давно известный трюк. Но эти маоисты и гонды-маоисты не обращают особого внимания на такую ерунду, как границы штатов. У них в головах – совсем другие карты, и, как у лесных зверей, тропы у них свои. Для них дороги существуют вовсе не для того, чтобы по ним ходить. Их можно только пересекать, или, как делается все чаще, нападать на них из засады. Хотя гонды (сами разделяющиеся на племена койя и дорла) составляют подавляющее большинство, имеются тут и маленькие поселения других племенных общин. Общины не адиваси* – торговцев и поселенцев – живут по краям леса, вблизи дорог и рынков.

Люди из НВГ были не первыми миссионерами, прибывшими в Дандакаранью. В 1975 году в Вароре открыл свой ашрам и больницу для прокаженных Баба Амте, известный последователь Ганди. В отдаленных лесах Абуджхмада начала открывать деревенские школы миссия «Рамакришна». На севере Бастара Баба Бихари Дас развернул агрессивную кампанию с целью «вернуть племена в лоно индуизма», ко-

* Адиваси (от санскр. *adi* «начало» и *vasi* «житель») – аборигены Индии.

торая сводилась к очернению племенной культуры, внушению самопрезрения и навязыванию великого дара индуизма – кастовой системы. Первые неопиты, деревенские старосты и крупные землевладельцы – люди вроде Махендры Кармы, основателя Салвы-Джудума, – получили статус *двидж* – «дважды рожденных», браминов. (Разумеется, это жульнический прием, потому что никто не может *стать* брамином. Если бы это было возможно, то у нас сейчас все жители страны ходили бы в браминах.) Но считается, что такой поддельный индуизм вполне подходит для коренных племен – точно так же, как поддельные марки всего на свете – печенья, мыла, спичек, масла – что продаются на деревенских базарах. В рамках кампании Хиндутва деревни были переименованы в поземельных книгах, так что теперь у большинства деревень по два названия: одно – народное, другое – государственное. Например, деревню Иннар переименовали в Чиннари. В списках избирателей племенных имена тоже переделали в индусские. (Масса Карма стал Махендрой Кармой.) А тех, кто не спешил припасть к лону индуизма, объявили «катвами» (иначе говоря – неприкасаемыми), и впоследствии они стали естественным электоратом маоистов.

Вначале НВГ взялась за дело на юге Бастара и в Гадчироли. Товарищ Вену подробно рассказывает о тех первых месяцах – о том, что поначалу деревенские жители относились к ним с подозрением, не хотели пускать в свои дома. Никто не предлагал им ни пищи, ни воды. Полиция распускала слухи, будто они – воры. Женщины прятали свои украшения в дровяных печках, в золе. Было очень много карательных действий. В ноябре 1980 года в Гадчироли полиция открыла огонь по деревенской сходке и застрелила целый отряд. Это было первое в ДК убийство «на встрече». Это была болезненная неудача, тогда товарищи перешли Годавари в обратном направлении и возвратились в Адилабад, но в 1981 году снова вернулись сюда. Они начали побуждать адиваси к требованиям повысить закупочные цены на листья тенду (которые идут на изготовление *биди**). В ту пору скупщики платили по три пайсы за пучок, в ко-

* Биди – индийские сигареты, в которых оберткой для табака служат листья коромандельского черного дерева (на *хинди* – тенду).

тором было около 50 листьев. Это была невероятно сложная задача – организовать людей, совершенно незнакомых с такого рода политикой, заставить их пойти на забастовку. В итоге, забастовка оказалась успешной, и закупочная цена удвоилась, составив шесть пайс за пучок. Но главный успех партии заключался в том, что она сумела продемонстрировать ценность единства и нового способа ведения политических переговоров. Сегодня, после ряда забастовок и волнений, цена пучка листьев тенду составляет 1 рупию. (Это кажется невероятным при таких показателях, но оборот торговли листьями тенду составляет сотни кроров* рупий.) Между тем, Величайшая Внутренняя Угроза Безопасности зарабатывает ровно столько, чтобы хоть как-то продержаться до следующего сезона.^{vi}

Нас прерывают: раздается смех и показывается Нилеш, один из молодых товарищей из ПАНО, который быстро шагает в сторону кухни, осыпая себя шлепками. Когда он подходит ближе, я вижу, что он несет построенное из листьев гнездо сердитых красных муравьев, и они уже расплозились по его телу, кусают ему руки и шею. Сам Нилеш тоже смеется. «Ты когда-нибудь ела чатни** с муравьями?» – спрашивает меня товарищ Вену. Я хорошо знаю красных муравьев, еще в детстве, в Керале, они кусали меня, но я никогда их не ела. (Это *чаполи* оказывается приятным на вкус. Кисленькое. С большим содержанием фолиевой кислоты.)

Нилеш – из Биджапура, расположенного в самой гуще операций Салва-Джудума. Младший брат Нилеша вступил в Джудум, участвовал в одном из их грабительски-поджигательских рейдов, и сделался особым полицейским (ОП). Он живет вместе с матерью в лагере Басагуда. Его отец отказался последовать за ним и остался в деревне. По сути, это семейная вражда. Позже, когда мне выдался случай поговорить с Нилешом, я спросила его, зачем его брат так поступил. «Он был очень молод, – сказал Нилеш. – У него вдруг появилась возможность бесчинствовать, причинять зло людям и поджигать дома. Он обезумел, он ужас что тво-

* Крор – 10 миллионов индийских рупий.

** Чатни – острый индийский кисло-сладкий соус, напоминающий варенье, обычно на основе манго, с перцем и пряностями.

рил. А теперь увяз по уши. Он никогда не сможет вернуться в деревню. Его там не простят. И он это понимает».

Мы возвращаемся к уроку истории. Следующая крупная схватка партии, рассказывает Вену, была с Балларпурской бумажной фабрикой. Правительство заключило с Тхапарами контракт сроком на 45 лет на выработку 1.5 лакхов* тонн бамбука по крайне субсидированным тарифам. (Пустьяки по сравнению с бокситами, но все же.) Адиваси платили по 10 пайс за связку из 20 бамбуковых стеблей. (Я не стану поддаваться вульгарному искушению и сравнивать эту цифру с показателями прибыли, которую получали Тхапары.) Длительные волнения, забастовка, за которой последовали переговоры с чиновниками бумажной фабрики в присутствии народа, – все это привело к увеличению цены до 30 пайс за связку. Для адиваси это было огромное достижение. Другие политические партии тоже давали обещания, но никак не пытались сдержать их. Люди потянулись к НВГ, спрашивая, можно ли вступить в ее ряды.

Но политика, связанная с тенду, бамбуком и другими дарами леса, носила сезонный характер. Постоянной же проблемой, настоящим бичом в жизни этих людей был самый крупный землевладелец – Лесной Департамент. Каждое утро его работники, даже самые младшие по рангу, являлись в деревни, как дурной сон, и мешали людям распахивать поля, собирать хворост, рвать листья, собирать плоды, выпасать скот – мешали им *жить*. Они приводили слонов, чтобы те вытаптывали поля, и разбрасывали семена акации аравийской, чтобы уничтожить почву. Жителей деревень били, арестовывали, унижали, а их урожай уничтожали. Разумеется, с точки зрения лесного ведомства, все эти люди находились там на незаконных основаниях и занимались антиконституционной деятельностью, следовательно, служащие департамента всего лишь выполняли Нормы Права. (А их сексуальная эксплуатация женщин была всего лишь дополнительной льготой, положенной при работе в «гиблых местах».)

Партия, осмелев оттого, что народ примкнул к ее борьбе, решила схлестнуться с лесным управлением. Она начала подбивать людей к захвату и обработке лесных зе-

* Лакх=100 тысяч.

мель. Лесное управление отомстило поджогом новых деревень, возникших в лесной зоне. В 1986 году оно объявило о создании Национального парка в Биджапуре, что означало выселение еще 60 деревень. Больше половины из них уже были покинуты, и началось строительство инфраструктуры национального парка, но тут явилась партия. Она разгромила стройки и остановила выселение жителей оставшихся деревень. Она не давала представителям лесного департамента войти в лес. Несколько раз деревенские жители ловили чиновников, привязывали к деревьям и избивали. Это была очистительная месть за многолетнюю эксплуатацию. В итоге, департамент обратился в бегство. С 1986 по 2000 год партия перераспределила 300 000 акров лесной земли. Сегодня, по словам товарища Вену, в Дандакаранье нет безземельных крестьян.

Для нынешнего поколения молодежи лесной департамент – это далекие воспоминания, нечто вроде тех историй, что матери рассказывают детям о легендарном прошлом, о временах рабства и унижения. Для старшего поколения свобода от лесного департамента означала подлинную свободу. Ведь они могли пощупать ее, ощутить на вкус. Для них она значила гораздо больше, чем какая-то Независимость Индии. Они начали сплачиваться вокруг партии, которая боролась вместе с ними.

Та команда из семи отрядов проделала большой путь. Теперь ее влияние распростерлось на 60 тысяч квадратных километров леса, охватив тысячи деревень и миллионы людей.

Однако уход лесного департамента возвестил прибытие полиции. И началось кровопролитие. Фальшивые «встречи», подстроенные полицией, засады, устроенные НВГ. С перераспределением земли возникли новые задачи: ирригация, сельскохозяйственная производительность и проблема увеличивающегося населения, которое произвольно занимается расчисткой лесной земли. Было принято решение отделить «работу с массами» от «военной работы».

Сегодня Дандакаранья управляется при помощи детально разработанной структуры джанатана-саркаров (народных правлений). Принципы такой организации заимствованы из опыта китайской революции и вьетнамской вой-

ны. Каждый джанатана-саркар избирается группой деревень, чья общая численность населения варьируется между 500 и 5000 человек. В нем имеется девять департаментов: Криши (сельское хозяйство), Вьяпар-Удьог (торговля и промышленность), Артхик (экономика), Ньяй (правосудие), Ракша (защита), Хоспитл (здравоохранение), Джан Сампарк (связи с общественностью), Скул-Рити Ривадж (образование и культура), и Джунгли. Группа джанатана-саркаров входит в Областной Комитет. Три областных комитета образуют Секцию. В Дандакаранье 10 секций.

«Теперь у нас есть комитет по спасению джунглей, – сообщает товарищ Вену. – Вы, наверное, читали правительственный репортаж о том, что на наксалитских территориях площади леса увеличились?»

По какой-то иронии, говорит товарищ Вену, первыми, кто выиграл от партийной борьбы с лесным департаментом, стали *мукхиа* (деревенские старосты) – бригада *двиджей*. Они использовали доступные им средства и рабочую силу, захватывая как можно больше земли, пока все шло хорошо. Но потом люди стали обращаться к партии со своими «внутренними противоречиями», как замысловато выразился товарищ Вену. Партия начала уделять внимание вопросам равенства, сословия и несправедливости *внутри* племенного общества. Крупные землевладельцы ощутили, что на горизонте сгущаются тучи. По мере того, как усиливалось влияние партии, их влияние ослабевало. Люди все чаще и чаще обращались со своими проблемами не к старостам, а к партии. Старым формам эксплуатации был брошен вызов. Раньше в день, когда выпадал первый дождь, люди по традиции должны были возделывать землю мукхиа вместо собственной земли. Теперь эта практика прекратилась. Никто больше не предлагал им подношений первого дня – мадуку или другие дары леса. Стало ясно: что-то нужно делать.

И тут на сцену выходит Махендра Карма, один из крупнейших землевладельцев в области, некоторое время состоявший членом Компартии Индии (КПИ). В 1990 году он собрал вокруг себя целую группу мукхиа и землевладельцев и начал кампанию под названием Джан Джагран Абхияан (общественное пробуждение). Их способ «пробуждения общества» состоял в следующем: охотничий отряд пример-

но из 300 мужчин прочесывал лес, убивал людей, сжигал дома и издевался над женщинами. Поддержку полиции им обеспечивало тогдашнее правительство Мадхья-Прадеша (штат Чхаттисгарх еще не был образован). В Махараштре начала наступление похожая группировка, называвшая себя «Демократическим фронтом». Народная Война отвечала на это в истинном стиле Народной Войны – убийством нескольких самых ненавистных землевладельцев. Через несколько месяцев Джан Джагран Абхиян, этот «белый террор» (так его определяет товарищ Вену), затих. В 1998 году Махендра Карма, уже вступивший в партию Конгресса, попытался возродить Джан Джагран Абхиян. Но на этот раз он выдохся еще быстрее, чем прежде.^{vii}

Потом, летом 2005 года, ему повезло больше. В апреле главы БДП* Чхаттисгарха подписали два МД о строительстве заводов с полным металлургическим циклом (условия которых остаются тайными). Один меморандум – на 7000 кроров рупий, с «Эссар-Стил» в Байладиле, другой – на 10 000 кроров рупий, с «Тата-Стил» в Лохандигуде. В том же месяце премьер-министр Манмохан Сингх сделал свое знаменитое заявление о том, что маоисты представляют «важнейшую внутреннюю угрозу безопасности» Индии. (Для той поры это было странное высказывание, потому что на деле все обстояло ровно наоборот. Правительство Конгресса в Андхра-Прадеше незадолго до того перехитрило маоистов и сильно подкосило их ряды. Маоисты потеряли около 1600 своих кадров и находились в полном замешательстве.) После такого заявления премьер-министра цены на акции добывающих компаний взлетели. Оно также сигнализировало средствам массовой информации, что маоисты – законная добыча для всех, кто захочет на них наброситься. В июне 2005 года Махендра Карма созвал в деревне Кутру тайное собрание старост-мукхиа и провозгласил Салва-Джудум (Очистительную Охоту). Очаровательное смешение племенных низменных инстинктов с джвидж-нацистскими построениями.

Отличие от Джан Джагран Абхияна, Салва-Джудум являлся операцией по зачистке местности, целью которой

* БДП – партия «Бхарати Джаната», Bharati Janata Party (BJP).

было выселить людей из деревень в придорожные лагеря, где бы они находились под постоянным полицейским контролем. На военном языке это называется «стратегическим переселением». Сама эта идея была придумана в 1950 году генералом сэром Харольдом Бриггзом, когда британцы воювали с коммунистами в Малайе. План Бриггза сделался очень популярным в индийской армии, которая уже применяла его в Нагаланде, Мизораме и Теленгане. Первый министр Чхаттисгарха, Раман Сингх, объявил, что на его территории все деревенские жители, которые откажутся переместиться в лагерь, будут считаться маоистами. Таким образом, в Бастаре, если обычный селянин просто оставался у себя дома, то это приравнивалось к участию в серьезной террористической деятельности.

Вместе со стальной кружкой черного чая кто-то протягивает мне, как особое угощение, наушники и включает MP3-плеер. Это скрипучая запись голоса мистера Манхара, тогдашнего начальника полиции Биджапура, рассказывавшего по радиотелефону своему подчиненному о вознаграждениях и поощрениях, которые государство и центральные правительства предлагают «пробудившимся» (*джагрит*) деревням и людям, которые соглашаются переходить в лагерь. Затем он давал ясные инструкции: деревни, отказывающиеся сдаваться, следует поджигать, а журналистов, которые попытаются «прикрыть» наксалитов, – расстреливать на месте. (Я давным-давно читала об этом в газетах. Когда эта история раскрылась, то в качестве наказания – интересно, для кого? – начальника полиции перевели на работу в Госкомиссию по правам человека.)

Первой деревней, которую сжег Салва-Джудум (18 июня 2005 года), стала Амбели. С июня по декабрь 2005 года он занимался поджогами, убийствами, изнасилованиями и грабежами в сотнях деревень на юге Дантевады. Центром операции являлись районы Биджапура и Бхайрамгарха, вблизи Байладылы, где собирались строить новый завод «Эссар-Стил». Не было простым совпадением и то, что именно эти области являлись оплотом маоистов, где джанатана-саркары проделали большую работу, особенно в том, что касалось водоснабжения и уборки урожая. Джанатана-саркары стали особой мишенью для нападений Салва-

Джудума. Сотни людей погибли самой страшной смертью. Около 60 тысяч людей было перемещено в лагеря – одни перешли туда добровольно, других гнал ужас. Из них около 3000 человек были назначены особыми полицейскими (ОП) с окладом в 1500 рупий.

И за эти жалкие крохи молодые люди, вроде брата Нилеша, приговорили к себя к пожизненному заключению в загоне за колючей проволокой. Как бы жестоки они ни были, в итоге они могут оказаться самыми жалкими жертвами в этой ужасной войне. Их судьбу не изменит никакое решение Верховного Суда о роспуске Салва-Джудума.

Остальные сотни тысяч людей просто исчезли с экранов правительственных радаров. (Чего нельзя сказать о фондах развития этих 644 деревень. Что будет с этими маленькими золотыми приисками?) Многие из них пробрались в Андрха-Прадеш и в Ориссу, куда они обычно отправлялись на временную работу в сезон сбора красного перца. Однако десятки тысяч бежали в лес, где остаются и сейчас, живя без всякого укрытия, приходя на свои поля и в свои жилища только в дневное время.

В воздушном потоке, образовавшемся за Салва-Джудумом, возникла куча полицейских участков и лагерей. Планировалось создать «ковёр безопасности» для «ползучего отвоевания» территорий, контролируемых маоистами. При этом предполагалось, что маоисты не осмелятся нападать на силы безопасности, сосредоточенные в таком количестве. Маоисты же, со своей стороны, понимали, что если они не прорвут этот «ковёр безопасности», то тем самым оставят на произвол судьбы людей, чьего доверия они добились, ради которых жили и работали 25 лет. И они совершили целую серию нападений на самое сердце этой «решетки безопасности».

26 января 2006 года ПАНО напала на Гангалаурский полицейский лагерь и убила семерых. 17 июля 2006 года нападению подвергся лагерь Салва-Джудума в Эраборе, 20 человек было убито и 150 – ранено. (Вы наверняка читали об этом: «Маоисты напали на лагерь помощи беженцам, созданный правительством в качестве укрытия для крестьян, покинувших свои деревни из-за террора, развязанного наксалитами».) 13 декабря 2006 года они напали на лагерь

«помощи» в Басагуде и убили троих ОП и коменданта. 15 марта 2007 года была совершена самая дерзкая вылазка. Сто двадцать бойцов ПАНО напали на ашрам Рани Бодили Канья – общежитие для девушек, превращенное в казармы для 80 чхатгисгархских полицейских (и ОП), в то время как девушки продолжали жить там же, служа живыми щитами. ПАНОВцы вошли на территорию ашрама, оцепили флигель, где жили девушки, и атаковали казармы. Было убито 55 полицейских и ОП. Никто из девушек не пострадал. (Чистосердечный СП из Дантевады познакомил меня с электронной презентацией, где были ужасающие фотографии обгорелых, изуродованных трупов полицейских среди развалин взорванного здания школы. Эти снимки были так чудовищны, что невозможно было не отвернуться. Похоже, моя реакция ему очень понравилась.)

Нападение на Рани Бодили вызвало в стране волну тревоги. Правозащитные организации осуждали маоистов не только за насилие, но и за враждебность образованию – за то, что нападают на школы. Зато в Дандакаранье нападение на Рани Бодили превратилось в легенду: о нем стали слагать песни, поэмы и драмы.

Контрнаступление маоистов действительно прорвало «ковер безопасности» и дало людям передышку. Полиция и Салва-Джудум попрятались по своим лагерям, из которых теперь выходят – обычно в глухую полночь – только группами по 300 или по 1000 человек для оцепления и обыска деревень. Постепенно остальные люди из лагерей Салва-Джудума, за исключением ОП и их семей, начали возвращаться в свои деревни. Маоисты одобрили их возвращение и объявили, что даже СП могут вернуться, если только они искренне и публично раскаются в своих действиях. Молодежь начала толпами стекаться в ПАНО. (Официально ПАНО была создана в декабре 2000 года. За последние 30 лет ее вооруженные отряды очень постепенно разрослись в секции, секции – во взводы, взводы – в группы. Но после опустошительных нападений Салва-Джудума ПАНО быстро смогла объявить себя батальоном.)

Салва-Джудум не просто провалился – он зажег жестокий ответный огонь.

Как мы теперь знаем, это была не просто локальная

операция какой-нибудь второстепенной шайки. Вопреки демагогии в прессе, Салва-Джудум являлась объединенной операцией правительства штата Чхаттисгарх и партии Конгресса, которая была у власти в Центре. Ей не позволили бы просто так провалиться. Тем более, что все эти МД продолжали ждать своего часа, как полные надежд женихи и невесты, истомившиеся на брачном рынке. Правительство находилось под чудовищным давлением, от него требовался новый план. И оно разродилось операцией «Зеленая Охота». Теперь бывшие салва-джудумовские ОП называются койакомандос. Правительство пустило в ход Вооруженные силы Чхаттисгарха (ВСЧ), Центральные резервные полицейские силы (ЦРПС), Пограничные силы безопасности (ПСБ), Индо-Тибетскую пограничную полицию (ИТПП), Центральные силы промышленной безопасности (ЦСПБ), Борзых, Скорпионов, Кобр. И одобрило политику, которая получила нежное название «Завоевание сердец и умов», сокращенно WHAM.*

Важные войны часто ведутся в самых невероятных местах. Капитализм и Свободный Рынок победили Советский Коммунизм в промозглых горах Афганистана. Здесь, в лесах Дантевады, ведется яростное сражение за душу Индии. Уже много говорилось об углубляющемся кризисе индийской демократии и о столкновении между крупными корпорациями, основными политическими партиями и силовыми ведомствами. Если кто-то хочет устроить быструю выборочную проверку ситуации – то лучше всего отправиться в Дантеваду.

В предварительном сообщении Государственного аграрного отчета и Незаконченного проекта Земельной Реформы (Том 1) говорилось, что первыми финансистами Салва-Джудума стали стальные концерны «Гата-Стил» и «Эссар-Стил». Поскольку речь шла о правительственном отчете, то публикации в прессе об этом вызвали настоящую бурю. (Из окончательного варианта отчета упоминание этого факта исчезло. Была ли это простая ошибка – или по чьему-то плечу побарабанила нежная корпоративная стальная рука?)

* Winning Hearts and Minds. В то же время wham – это «бам!», «бух!», «трах!»

12 октября 2009 года обязательные публичные слушания, связанные со сталеплавильным заводом «Тата-Стил», которые должны были проводиться в Лохандигуде, куда могли бы явиться местные жители, в действительности состоялись за много миль оттуда, в небольшом зале коллектората в Джагдалпуре, оцепленного внушительной охраной. В правительственных джипах, под охраной конвоя, туда привезли 50 специально нанятых адиваси. После собрания областной чиновник коллектората поблагодарил «жителей Лохандигуды» за сотрудничество. Местные газеты доложили об этой лжи, хотя прекрасно знали правду. (Посыпались рекламные предложения.) Несмотря на возражения деревенских жителей, началось приобретение земель для проекта.

Маоисты – не единственные, кто хочет свергнуть индийское государство. Его уже не раз свергал индуистский фундаментализм и экономический тоталитаризм.

Лохандигуда, расположенная в пяти часах езды от Дантевады, никогда раньше не входила в наксалитскую зону. Но теперь входит. Товарищ Джоори, сидевшая рядом со мной, когда я ела муравьиное чатни, работает как раз в тех местах. По ее словам, они решили войти в те края после того, как на стенах деревенских домов стали появляться надписи: “*Naxali aao, hamein bachao!*” («Наксалиты, приходите, спасите нас!») Несколько месяцев назад на рынке застрелили Вималья Мешрама, председателя местного панчаята. «Он был человеком Таты, – говорит Джоори. – Заставляя людей отдавать землю и принимать компенсацию. Хорошо, что с ним покончили. Мы тоже потеряли товарища. Его застрелили. Хочешь еще *чаполи*?» Ей всего 20 лет. «Мы не пустим сюда татовцев. Люди не хотят, чтобы они приходили». Джоори не состоит в ПАНО. Она состоит в Четна Натья Манч (ЧНМ), культурном крыле партии. Она поет. Пишет песни. Она из Абуджхмада. (Она замужем за товарищем Мадхавом. Она влюбилась в его пение, когда он приехал в ее деревню с группой ЧНМ.)

Тут я чувствую, что необходимо что-то сказать. Сказать о тщетности насилия, о неприемлемости скорых расправ. Но что я могу им посоветовать? Может, обратиться

в суд? Устроить дхарну* у Джантар-Мантара** в Нью-Дели? Или слет? Или посменную голодную забастовку? Все это звучит смешно. Сторонников Новой экономической политики – тем, кто с такой легкостью говорит: «Альтернативы нет», – следует попросить изобрести какую-нибудь альтернативную Политику сопротивления. Совсем особенную – специально для этих людей, специально для этого леса. Здесь. Сейчас. За какую партию им голосовать? В какое демократическое учреждение в этой стране им обращаться? В какую только дверь не стучались представители Нармада Бачао Андолан в течение долгих лет борьбы против строительства больших плотин на Нармаде?

Уже темно. В лагере происходит какая-то возня, но мне ничего не видно. Только движутся повсюду точки света. Трудно сказать, что это – звезды, светляки или идущие вдаль маоисты. Вдруг из ниоткуда появляется малыш Мангту. Выясняется, что он входит в первую группу Передвижной школы юных коммунистов: их учат читать и писать и воспитывают в духе коммунистических принципов. («Идеологическая обработка юных умов!» – вопят наши корпоративные средства массовой информации. А вот телевизионная реклама, которая промывает мозги детям, прежде чем те научатся думать, почему-то не считается формой идеологической обработки.) Юным коммунистам не разрешается носить ружья и надевать форму. Но они повсюду с горящими глазами следуют за отрядами ПАНУ, будто фанаты какой-нибудь рок-группы.

Мангту с кротким хозяйским видом взял меня под свою опеку. Он наполнил мне водой бутылку и говорит, что пора собирать рюкзак. Раздается свист. Палатка из синего джхилли разобрана и свернута ровно за пять минут. Еще один свисток – и сотни товарищей встают в строй. Пятью рядами. Начальник операции – товарищ Раджу. Устраивается переключка. Я тоже становлюсь в строй и выкрикиваю свой номер по подсказке товарища Камлы, стоящей впереди меня. (Мы рассчитываемся – считаем до двадцати, в потом снова начинаем с одного по порядку: дальше гонды не счита-

* Дхарна – сидячая голодовка, обычно устраиваемая кредитором под дверью должника.

** Обсерватория, построенная в первой половине XVIII века.

ют. Двадцать – вполне достаточно для них. Может, и для нас этого должно быть достаточно.) Чанду теперь в солдатской рабочей одежде, при нем автомат «Стен». Товарищ Раджу тихим голосом проводит инструктаж. Говорит только на гонди, так что я не понимаю ни слова, но я все время слышу: «ар-ви». Позже Раджу объяснит мне, что это аббревиатура, RV – rendezvous! Это слово уже вошло в язык гонди. «Мы назначаем пункты сбора, ар-ви, на случай, если попадем под обстрел, и людям придется бежать врассыпную, чтобы все знали, где потом собираться». Он даже представить себе не может, какую панику он во мне посеял. Не потому что я боюсь попасть под обстрел, а потому, что боюсь потеряться. У меня ведь топографический кретинизм, я способна заблудиться между спальней и туалетом. Что же со мной будет в лесу площадью 60 тысяч квадратных километров? Что бы ни происходило – конец света или потоп, я буду крепко держаться за *паллу* товарища Раджу.

Перед тем, как мы выходим в путь, ко мне подходит товарищ Вену: «Что ж, товарищ. Давай попрощаемся». Я застигнута врасплох. Он похож на комарика в своей шерстяной шапочке и в чаппалах,* окруженный телохранителями – тремя женщинами и тремя мужчинами. Тяжело вооруженными. «Мы все очень благодарны тебе, товарищ, за то, что ты сюда приехала так издалека», – говорит он. Снова – рукопожатье, сжатый кулак. «Лал салаам, товарищ». Он исчезает в лесу – Хранитель Ключей. И через миг кажется, будто его никогда здесь и не было. Я чувствую себя немного осиротевшей. Но у меня есть еще многочасовые записи для прослушивания. И по мере того, как счет пойдет уже не на дни, а на недели, я буду встречать множество людей, которые добавят красок и подробностей к тому скупому наброску, который он нарисовал для меня. Мы начинаем шагать в противоположном направлении. Товарищ Раджу, от которого за версту пахнет йодексом, говорит со счастливой улыбкой: «Коленки у меня совсем сдали. Идти могу, только если проглочу пригоршню болеутоляющих».

Товарищ Раджу отлично говорит на хинди и с невозмутимым видом рассказывает самые забавные истории. Он 18 лет проработал адвокатом в Райпуре. И он, и его жена

* Чаппалы – индийские кожаные сандалии.

Малти состояли в партии и участвовали в работе городской партийной сети. В конце 2007 года одного из ключевых людей из райпурской сети схватили, подвергли пыткам и в конце концов сделали осведомителем. Его стали возить по Райпуру в закрытой полицейской машине, заставляя указывать на своих бывших сотоварищей. В их числе была и товарищ Малти. 22 января 2008 ее схватили вместе с несколькими другими людьми. Ей предъявлено обвинение в том, что она отправила нескольким членам парламента по почте компакт-диски со снятыми на видео свидетельствами жестокостей, которые творили салва-джудумовцы. Такие дела редко доходят до слушаний, потому что полиция сама понимает, насколько их дело шаткое. Однако новое Особое постановление об общественной безопасности Чхаттисгарха (ОПОБЧ) позволяет полиции продержать ее под арестом несколько лет без освобождения под залог. «Теперь правительство бросило несколько батальонов чхаттисгархской полиции на защиту несчастных членов парламента от их собственной почты», – говорит товарищ Раджу. Самого его не схватили, потому что он тогда находился в Дандакаранье, на слете. С тех пор он сюда не уходит. Двоих его детей-школьников, оставшихся одних дома, усердно допрашивала полиция. Под конец, их дом пришел в негодность, и они переселились к дяде. Товарищ Раджу лишь несколько недель назад получил от них первую весточку. Что же придает ему эту силу, эту способность сохранять язвительный юмор? Что всем им придает энергию, несмотря на все, что всем им довелось перенести? Это их вера и надежда – и любовь к Партии. Я вновь и вновь сталкиваюсь с этим, на очень глубоком, очень личном уровне.

Сейчас мы идем гуськом. Я и сотня «бессмысленно яростных», кровожадных повстанцев. Я обвела взглядом лагерь, прежде чем мы покинули его. Не было заметно ни малейших признаков того, что здесь только что стояла лагерь почти сотня людей, – разве что кучки золы там, где жгли костры. Не могу поверить, что это – армия. В том, что касается потребления, она больше следует духу Ганди, чем любые гандианцы, и оставляют куда меньше углеродных следов, чем любой их поборников теории изменения климата. Теперь же они по-гандиански подходят даже к са-

ботажу: например, прежде чем сжечь полицейскую машину, ее разбирают и каждой запчасти находят новое применение. Рулевое колесо выпрямляют и делают из него винтовку-*бхармаар*, обивку из искусственной кожи обдирают и пускают на футляры для боеприпасов, батарею приспособляют для солнечной зарядки. (Новая инструкция от главнокомандующих предписывает погребать, а не сжигать захваченные полицейские машины. Чтобы, когда понадобится, они могли воскреснуть.) Может, мне написать пьесу – «Хватай винтовку, Ганди»? Или меня линчуют?

Мы шагаем в кромешной темноте и в гробовом молчании. Я – единственная, кто пользуется фонариком: я направляю его вниз, так что вижу в этом кружке света только босые пятки товарища Камлы в ее протертых черных чапалах, которые подсказывают мне, куда именно следует ступить. Груза на ней в 10 раз больше, чем на мне. Рюкзак, ружье, огромный мешок с продуктами на голове, один из здоровенных кухонных котлов и две наплечные сумки, битком набитые овощами. Мешок у нее на голове сохраняет столь безупречное равновесие, что она карабкается по склонам и сыпучим скальным тропам, даже не прикасаясь к нему. Она – просто чудо. Переход оказывается довольно долгим. Я благодарна за урок истории еще и потому, что он подарил моим ногам почти целый день отдыха. Это одна из прекраснейших вещей на свете – шагать ночью по лесу.

И это мне предстоит делать ночь за ночью.

Мы отправляемся на празднование столетия восстания Бхумкал – оно состоялось в 1910 году, когда койа взбунтовались против британцев. «Бхумкал» означает «землетрясение». По словам товарища Раджу, люди идут по нескольким дням, собираясь на эти празднования. Значит, лес сейчас полон движущихся людей. Праздник отмечается по всем секторам ДК. У нас особые привилегии. Ведь с нами вместе идет товарищ Ленг, церемониймейстер. На языке гонди «Ленг» означает «голос». Товарищ Ленг – рослый мужчина средних лет из Андхра-Прадеша, коллега легендарного и всеми любимого певца и поэта Гадара, основавшего в 1972 году радикальную культурную организацию Джан Натья Манч (ДНМ). Со временем ДНМ официально вошла в НВГ и в Андхра-Прадеше привлекала публику десятками тысяч.

Товарищ Ленг вступил в нее в 1977 году и сам стал знаменитым певцом. Он жил в Андхре во времена жесточайших репрессий, когда каждый день кто-нибудь из друзей погибал на «встречах». Его самого однажды подняла с больничной койки женщина-полицейский, переодетая врачом. Его привезли в лес неподалеку от Варангала на «встречу». Но, по счастью, об этом узнал Гадар и сумел поднять тревогу. В 1998 году, когда НВГ решила создать культурную организацию в ДК, товарищу Ленгу поручили возглавить Четна Натья Манч. И вот он здесь, шагает рядом со мной, одетый почему-то в оливково-зеленую рубашку и малиновые пижамные штаны с розовыми зайчиками. «Сейчас в ЧНМ состоит 10 тысяч человек, – сообщил он мне. – У нас в репертуаре 500 песен – на хинди, гонди, чхаттистархи и халби. Мы издали книжку со 140 нашими песнями. Все сочиняют песни». В первый раз, когда я с ним разговаривала, он произвел впечатление очень серьезного человека, настоящего однодума. Но спустя несколько дней, когда все сидели у костра, он, одетый все в ту же пижаму, рассказал нам об одном очень успешном, известном кинорежиссере-телугу (своем друге), который всегда сам играет роль наксалита в собственных фильмах. «Я его спрашиваю, – рассказывал товарищ Ленг на хинди с приятным акцентом телегу, – с чего это ты взял, что наксалиты всегда вот такие?» И он ловко изобразил карикатурную фигурку сторбленного, высоко шагающего, затравленного человека, выскакивающего из леса с АК-47. Мы все покатились со смеху.

Я почему-то не жду много от этих празднований Бхумкала. Я опасаясь увидеть традиционные племенные танцы, подкрепленные маоистской пропагандой, пламенные речи ораторов и остекленевшие глаза послушной толпы слушателей. Мы приходим на место довольно поздним вечером. Там сооружен временный монумент из бамбукового каркаса, обтянутого красной тканью. Наверху, над серпом и молотом маоистской партии, красуются лук со стрелой (символика джанатана-саркара), обернутые в серебристую фольгу. Подходящая иерархия. Огромная сцена, тоже временная, устроена на крепком помосте, покрытом толстым слоем глиняной штукатурки. Вокруг уже горят кое-где костерки, люди понемногу стягиваются и готовят ужин. В темноте видны

только их силуэты. Мы пробираемся между ними (лалсалаам, лалсалаам, лалсалаам) и идем еще минут 15, пока снова не входим в лес.

На месте нашего нового лагеря нам приходится заново строиться. Еще одна перекличка. А затем – инструктаж насчет постов часовых и «огневых дуг»: решается, кто какой участок будет покрывать в случае налета полиции. Снова назначаются пункты *ар-ви*.^{viii}

Передовой отряд уже пришел и заранее приготовил ужин. На десерт Камла вручает мне дикую гуаяву, которую она сорвала по пути и припасла нарочно для меня.

С самого рассвета кажется, что на празднование стекается все больше и больше народу. Нарастает гул возбуждения. Встречаются люди, которые давно не виделись. Нам слышно, как проверяют работу микрофонов. Вывешиваются флаги, знамена, плакаты, транспаранты. Появился плакат с фотографиями пятерых людей, убитых в Онгнааре в день нашего прибытия.

Я пью чай с товарищем Нармадой, товарищем Маасе и товарищем Рупи. Товарищ Нармада рассказывает, что много лет проработала в Гадчироли, прежде чем возглавить в ДК Крантикари Адиваси Махила Сангатхан. Рупи и Маасе были городскими активистками в Андхра-Прадеше, они рассказывают мне о долгих годах *внутрипартийной* борьбы женщин – не просто за свои права, но и еще за то, чтобы партия поняла: равенство мужчин и женщин – центральная часть мечты о справедливом обществе. Мы говорим о 70-х годах, об участницах наксалитского движения, которые разочаровались в своих соратниках-мужчинах, мнивших себя великими революционерами, на деле же остававшихся в плену у прежнего патриархального уклада, прежнего шовинизма. По словам Маасе, с тех пор многое изменилось, хотя есть еще к чему стремиться. (В ЦК партии и в политбюро женщин до сих пор нет.)

Около полудня приходит новый контингент ПАНО. Отряд возглавляет высокий, гибкий мужчина, больше похожий на мальчишку. Этот товарищ носит два имени – Сухдех и Гудса Усенди, причем оба – чужие. Сухдех – это имя одного его любимого товарища, который мученически погиб.

(На этой войне только мертвецы находятся в достаточной безопасности, чтобы открыто носить свои имена.) А имя Гудса Усенди – многие товарищи в разное время носили его. (Несколько месяцев назад так называл себя товарищ Раджу.) Гудса Усенди – так зовется партийный делегат от Дандакараньи. Поэтому, хотя Сукхдев остальную часть путешествия находится рядом со мной, я понятия не имею, как его можно будет потом найти. Конечно, я бы повсюду узнала его по смеху. По его словам, он пришел в ДК в 88-м году, когда НВГ решила перебросить треть своих сил из северной Теланганы в ДК. Он аккуратно одет – в «сивил» (так на языке гонди называют «гражданскую одежду»), которую отличают от «дресса» (маоистской «униформы»), и мог бы сойти на молодого управленца. Я спрашиваю его, почему он не в форме. Он отвечает, что путешествовал, только что вернулся с Кешкальского перевала вблизи Канкера. Говорят, что компания «Веданта» положила там глаз на 3 миллиона тонн бокситов.

Бинго! Десять из десяти, подсказывает мне чутье.

Сукхдев говорит, что ездил туда изменять температуру у народа. Проверял, готовы ли они к борьбе. «Сейчас им нужны боевые отряды. И ружья». Он запрокидывает голову и хохочет: «Я сказал им – не все так просто, бхай*». По некоторым фразам из разговора и по той легкости, с которой он носит свой АК-47**, я заключаю, что он тоже высокопоставленный и активный ПАНОвец.

Приходит почта из джунглей. Есть и для меня «бисквит»! От товарища Вену. На крохотном клочке бумаги, сложенной во много раз, он записал для меня слова песни, которую обещал прислать. Товарищ Нармада улыбается, читая этот текст. Она знает эту историю. Это было еще в 80-е, в ту пору, когда люди только начали доверять партии и обращаться к ней со своими бедами – с «внутренними противоречиями», как выразился товарищ Вену. Одними из первых обратились женщины. Однажды вечером одна пожилая женщина, сидевшая у костра, встала и спела песню, обращенную к бревну дада. Она была из племени маадийа, у которых существует такой обычай: женщина, выйдя замуж, должна

* Бхай – «брат» (от санскр. bhratr).

** АК – автомат Калашникова.

снять рубашку и ходить впредь с обнаженной грудью.

Jumper polo intor Dada, Dakoniley

Taane tasom intor Dada, Dakoniley

Bata papam kittom Dada, Dakoniley

Duniya kadile maata Dada, Dakoniley

(Говорят, нам нельзя носить рубашки, Дада,

Даконили,

Заставляют нас снимать их, Дада.

Чем же мы провинились, Дада?

Мир ведь изменился, разве не правда, Дада?)

Aatum hatteke Dada, Dakoniley

Aada nanga dantom Dada, Dakoniley

Id pisval manni Dada, Dakoniley

Mava koyaturku vehat Dada, Dakoniley

(Но когда мы идем на рынок, Дада,

Мы должны идти полуголыми, Дада.

Мы не хотим такой жизни, Дада,

Скажи об этом нашим предкам, Дада.)

Это был первый «женский вопрос», за разрешение которого взялась партия. К делу этому требовалось подходить деликатно, с хирургической осторожностью. В 1986 году она учредила Адиваси Махила Сангатхан (АМС), который затем разросся в Крантикари Адиваси Махила Сангатхан и ныне насчитывает 90 000 зарегистрированных членов. Это, пожалуй, крупнейшая в стране женская организация. (Между прочим, все они – маоистки, эти 90 000. Неужели их «ликвидируют»? А 10 000 членов ЧНМ? Их – тоже?) Организация КАМС проводит кампании против племенных традиций насильственного замужества и похищения. Против обычая, по которому женщин в период менструации заставляют уходить из деревни и жить в шалаше в лесу. Против двоеженства и рукоприкладства в семье. Она еще не во всех боях одержала победу – но когда и где еще за феминистками оставалась полная победа? Например, в Дандакаранье женщинам даже теперь не разрешают сеять семена. На партсобраниях мужчины соглашались с тем, что это несправедливо, с этим нужно покончить. Но на практике – просто не разрешают, и все. И вот, партия приняла решение о том, что женщинам следует сеять семена на общей земле, которая принадлежит

джанатана-саркару. На этой земле они сеют семена, выращивают овощи и строят защитные дамбы. Это уже половина победы – но еще не полная!

По мере того, как в Бастаре усиливались полицейские репрессии, женщины из КАМС превратились в могучую силу; они собираются в отряды сотнями, порой даже тысячами, чтобы дать физический отпор полиции. Уже сам факт существования КАМС в корне изменил традиционные отношения и облегчил многие традиционные формы дискриминации женщин. Для многих молодых женщин вступить в партию, особенно в ПАНУ, означало освобождение от удушливых пут собственного общества. Товарищ Сушила, старшее должностное лицо КАМС, рассказывает о том, как свирепствовал Салва-Джудум против женщин. По ее словам, одним из их лозунгов было: *Hum do bibi layenge! Layenge!* («Мы будем иметь двух жен! Будем!») Многие активистки КАМС подвергались насилию и зверским сексуальным увечьям. Многие молодые женщины, становившиеся свидетельницами зверств, затем вступали в ПАНУ, и теперь составляют там 45% кадров. Товарищ Нармада посылает за ними, и через некоторое время они приходят.

У товарища Ринки очень короткие волосы. Короткая круглая стрижка, «bob-cut», как говорят на гонди. Это смело с ее стороны, потому что здесь «стриженная» означает «маоистка». Для полиции такая стрижка – достаточное основание для скорой расправы. Деревня товарища Ринки, Корма, подверглась в 2005 году нападению батальона нага и салваджудумовцев. В то время Ринки входила в деревенское ополчение. Вместе с подругами Лукки и Сукки, которые тоже состояли в КАМС. Спалив деревню, батальон нага схватил Лукки и Сукки и еще одну девушку, подвергли их групповому изнасилованию и убили. «Их насиловали на траве, – говорит Ринки. – А потом, когда все кончилось, травы там уже не осталось». С тех пор прошли годы, батальона нага больше нет, но полиция по-прежнему является. «Они приходят всякий раз, когда им нужны женщины или куры». ^{ix}

У Аджитхи тоже короткая стрижка. Джудумовцы явились в ее деревню, Корсеел, и убили троих жителей, утопив

их в *налле**. Аджитха была тогда с ополчением и проследовала за джудумовцами до места неподалеку от деревни Парал Нар Тодак. Там она видела, как они изнасиловали шесть женщин и убили мужчину выстрелом в горло.

Товарищ Лакшми, красивая девушка с длинной косой, рассказывает мне о том, как на ее глазах джудумовцы сожгли 30 домов в ее деревне, Джоджор. «У нас тогда не было оружия, – говорит она. – Мы могли только смотреть». Вскоре после этого она вступила в ряды ПАНО. Лакшми была в числе тех 150 партизан, которые в 2008 году три с половиной месяца шли через джунгли до Найагарха в Ориссе, чтобы напасть там на полицейский арсенал, где они захватили 1200 винтовок и 200 000 единиц боеприпасов.

Товарищ Сумитра вступила в ПАНО в 2004 году, еще до того, как начал неистовствовать Салва-Джудум. По ее словам, она вступила туда потому, что хотела уйти из дома. «Женщин во всем контролируют, – рассказывала она мне. – В нашей деревне девушкам не разрешается лазить по деревьям; если кто-то провинится, то назначают штраф в 500 рупий или отбирают курицу. Если мужчина ударит женщину, и она ударит его в ответ, то она должна отдать деревне козу. Мужчины на целые месяцы уходят в горы на охоту. Женщинам не разрешается даже близко подойти к дичи, и лучшая часть мяса достается мужчинам. Женщинам не разрешается есть яйца». Достаточно причин, чтобы податься в партизанскую армию?

Сумитра рассказывает о двух своих подругах, Телам Парвати и Камле, которые работали с КАМС. Телам Парвати была из деревни Полекайя на юге Бастара. Как почти все, кто здесь находится, она видела, как салва-джудумовцы жгли ее деревню. Потом она вступила в ПАНО и отправилась работать на Кешкальский перевал. В 2009 году они вместе с Камлой закончили организацию празднования Женского дня 8 марта в районе. Они находились в небольшой хижине неподалеку от деревни Вадго. Ночью полиция окружила эту хижину и открыла огонь. Камла выстрелила в ответ, но была убита. Парвати убежала, но ее нашли и убили на следующий день.

Вот что случилось в Женский день в прошлом году.

* Налла (*хинди*) – ручей или водосточная канава.

А вот – журналистский репортаж из национальной газеты о Женском дне в этом году:

Бастарские повстанцы выступают за права женщин

Сахар Кхан, «Мейл Тудей», Райпур, 7 марта 2010

Чего только не делало правительство, чтобы справиться с маоистской угрозой в стране. Однако у отряда повстанцев в Чхаттисгархе есть и более неотложные дела, чем просто выживание. Накануне Международного Женского Дня маоисты в Бастарском районе штата призывают к недельным «празднованиям» для защиты прав женщин. Плакаты с такими призывами появились в Биджапуре, части Бастарского района. Такая агитация самозванных защитников за права женщин привела полицию штата в изумление. Главный инспектор (ГИ) Бастара, Т.Д. Лонгкумер, сказал: «Я никогда не видел таких призывов со стороны наксалитов, которые верят только в насилие и кровопролитие».

А далее в этом репортаже говорится:

«Полагаю, маоисты пытаются противостоять нашей чрезвычайно успешной кампании Джан Джагран Абхияан («кампанию за пробуждение масс»). Мы развернули ее с целью заручиться поддержкой народа для операции «Зеленая Охота», которую организовала полиция для искоренения экстремистов левого крыла», – сказал ГИ.

Этот коктейль из злобы и невежества – обычное дело. Гудса Усенди, летописец нынешней истории партии, знает об этом больше всех остальных. Его маленький компьютер и мп3-плеер забиты заявлениями прессы, опровержениями, поправками, партийной литературой, списками убитых, телевизионными клипами, аудио- и видеоматериалами. «Худшее в судьбе Гудсы Усенди, – говорит он, – это давать разъяснения, которые никогда не публикуются. Можно было бы уже целую толстую книгу – наши разъяснения ко всему тому вранью, что про нас рассказывают». Он говорит это без тени негодования, напротив, это как будто забавляет его.

«А какое самое смешное обвинение вам приходилось опровергать?»

Он задумывается. «В 2007 году нам пришлось сделать заявление, в котором говорилось: “*Nahin bhai, hamne gai ko hathode se nahin mara*” («Нет, брат, мы не убивали коров молотком»). В 2007 году правительство Рамана Сингха объявило о Гаи Йоджана («коровьем плане») – это было предвыборные обещания подарить корову каждому адиваси. И однажды телеканалы и газеты доложили, будто наксалиты напали на стадо коров и забили их до смерти – молотками, – потому что являются антииндуистами, анти-БДПистами. Можете себе представить, что тут началось. Мы выступили с опровержением. Но мало кто нас слушал. А позже выяснилось, что человек, которому доверили коров, чтобы он раздавал их людям, оказался мошенником. Он просто продал коров, а сам заявил, что это мы напали на него и перебили коров».

«А самое серьезное?»

«О, таких были десятки – как-никак, против нас целая кампания ведется. Как только объявили Салва-Джудум, они в первый же день напали на деревню Амбели, сожгли ее, а затем все они – ОП, батальон нага, полиция – переместились в сторону Котрапала... Ты ведь слыхала о Котрапале? Это знаменитая деревня – ее сжигали 22 раза за отказ сдать-ся. Когда джудумовцы пришли в Котрапал, наше ополчение уже их поджидало. В засаде. Двое ОП были убиты. Семерых мы захватили, остальные убежали. На следующий день газеты доложили, будто наксалиты перебили бедных адиваси. Кое-кто говорил, будто мы перебили сотни людей. Даже такой уважаемый журнал, как «*Линия фронта*», сообщил, будто мы убили 18 невинных адиваси. Даже К.Балагопал, активист-правозащитник, который обычно разборчив в фактах, даже он это повторял. Мы послали ему разъяснение. Но никто его не опубликовал. Позже, в своей книге, Балагопал признал свою ошибку... Но кто это заметил?»

Я спросила, что случилось с семерыми захваченными. «Областной комитет созвал *джан-адалат* (народный суд). На него пришли четыре тысячи человек. Они выслушали всю историю от начала до конца. Двоих ОП приговорили к смерти. Пятерых предупредили и отпустили. Все решал

народ. Так даже с осведомителями поступают – это ведь теперь большая проблема стала. Люди выслушивают дело, все рассказы и признания и говорят: “*Iska hum risk nahin le sakte*” («Мы не готовы взять на себя риск и довериться этому человеку») или “*Iska risk hum lenge*” («Мы берем на себя риск довериться этому человеку»). Пресса всегда докладывает об убийстве осведомителей. Но никогда – о тех осведомителях, которых отпускают на волю. Поэтому все считают, что наш суд – это такая кровожадная процедура, под конец которой все обязательно погибают. А речь-то не идет о мести – речь идет о выживании, о спасении будущих жизней... Конечно, проблемы есть, мы допускали ужасные ошибки, мы даже иногда убивали не тех людей из засады, думая, что это полицейские. Но все было не так, как изображается в средствах массовой информации».

Эти грозные «Народные суды». Как нам принять их? Или одобрить эту форму сурового правосудия?

С другой стороны – как быть со «встречами», фальшивыми и нет, – с этой худшей формой скорой расправы? Ведь за них полицейские и солдаты получают медали за отвагу, денежные вознаграждения и внеочередные продвижения по службе от индийского правительства. Чем больше они убивают – тем больше наград. «Храбрецы» – вот как их называют, этих «специалистов по встречам». «Антинародники» – так называют нас, тех, кто осмеливается поднимать этот вопрос. А как быть с Верховным судом, который бесстыдно заявил, что ему не хватает свидетельских показаний, чтобы вынести смертный приговор Мохаммеду Афзалю (обвиненному в декабре 2001 года за нападение на парламент), однако же вынес его, заметив, что «коллективная совесть общества будет лишь удовлетворена, если обидчик понесет наказание в виде смертной казни»?

По крайней мере, в случае Котрапальского джан-адалата, там физически присутствовал коллектив людей, который и выносил решение. Его не принимали судьи, которые давным-давно утратили связь с обычной жизнью, привыкнув говорить от лица абстрактного коллектива.

Что же, интересно, оставалось делать людям из Котрапала? Быть может, вызвать полицию?

Гул барабанов сделался очень громким. Пришло вре-

мя Бхумкала. Мы идем на место празднования. Я с трудом верю своим глазам. Там море людей – очень диких на вид, красивых людей, одетых очень дико и красиво. Похоже, мужчины уделили своей внешности даже больше внимания, чем женщины. На них головные уборы с птичьими перьями, цветные татуировки на лице. У многих подрисованы глаза, выбелены и напудрены лица. Много людей из ополчения – девушки в сари самых ошеломительных расцветок, с ружьями, небрежно висящими на плечах. Тут и старики, и дети, и красные транспаранты, развевающиеся на фоне неба. Солнце высоко, стоит зной. Выступает товарищ Ленг. И несколько чиновников из разных джанатана-саркаров. Товарищ Нити, необыкновенная женщина, состоящая в партии с 1997 года, представляет такую угрозу нации, что в январе 2007 года 700 полицейских окружили деревню Иннар, прослышав, что она там находится. Товарищ Нити считается столь опасной, за ней охотятся с таким рвением не потому, что она устроила множество засад (хотя и это так), а потому что она – женщина-адиваси, которая пользуется любовью народа в деревнях и служит настоящим источником вдохновения для молодежи. Она говорит, не снимая с плеча своего АК. (Это автомат с историей. Почти у каждого оружия – своя особая история: у кого он захвачен, как и кем.)

Труппа ЧНМ разыгрывает пьесу о восстании Бхумкал. Злые белые колонизаторы – в шляпах и с золотой соломой вместо волос – притесняют и жестоко избивают адиваси, от чего публика приходит в бесконечный восторг. Другая труппа, из южного Гангалаура, выступает с пьесой под названием «Нитир Джудум Пито» («История кровавой охоты»). Джоори переводит для меня. Это история про двух стариков, которые ищут деревню своей дочери. Они идут по лесу и плутают там, потому что все выжжено и неузнаваемо. Салва-джудумовцы сожгли даже барабаны и музыкальные инструменты. Даже пепла не видно, потому что прошли дожди. Они не могут найти дочь. Опечаленные старики начинают петь, и, слушая их, голос их дочери отвечает им песней из руин: «Звуки нашей деревни заглушены, – поет она. – Тут больше не дробят рис, не раздается смех у колодца. Не кричат птицы, не блеют козы. Туго натянутая струна счастья лопнула».

Отец поет ей в ответ: «Не плачь, дочка, не плачь, моя красавица. Всем, кто рождается, суждено умереть. Эти деревья, что стоят вокруг нас, когда-нибудь рухнут, цветы распустятся и увянут, однажды сам этот мир состарится. Но за кого мы умираем? Однажды наши мучители это узнают, однажды Истина восторжествует, но наш народ никогда тебя не забудет, даже спустя тысячу лет».

Еще несколько речей. Потом раздается барабанный бой и начинаются танцы. У каждого джанатана-саркара – своя труппа. Каждая труппа приготовила свой танец. Они сходятся по очереди, неся огромные барабаны, и танцами изображают целые буйные истории. Единственный персонаж, который имеется в каждой труппе, – это Плохой Промышленник, в шлеме и темных очках, обычно с зажженной сигаретой. Но в их танцах нет ничего деревянного, механического. Когда они танцуют, пыль поднимается столбом. Барабанный бой становится оглушительным. Постепенно толпа начинает раскачиваться. А потом сама пускается в пляс. Танцуют, выстроившись в ряд по шесть-семь человек, мужчины отдельно от женщин, обняв друг друга за талии. Тысячи людей. Вот ради чего они сюда пришли. Ради этого. Здесь, в лесу Дандакаранья, к счастью относятся серьезно. Люди готовы пройти вместе много миль пешком, чтобы радоваться празднику и петь, втыкать перья в чалмы и цветы в волосы, обнимать друг друга, пить мадуку и танцевать всю ночь напролет. Никто не поет и не пляшет в одиночку. И это – больше, чем что-либо другое – служит вызовом той цивилизации, которая стремится их уничтожить.

Я не могу поверить, что все это происходит прямо под носом у полиции. Прямо посреди операции «Зеленая Охота».

Поначалу товарищи из ПАНО просто наблюдают за танцорами, стоя поодаль со своими автоматами. Но затем – один за другим, будто утки, которым невтерпех стоять на берегу и просто смотреть, как плавают другие утки, – они подходят ближе и тоже принимаются танцевать. Вскоре образуются уже целые ряды оливково-зеленых танцоров, кружащихся вместе со всеми другими цветами. А потом, когда сестры и братья, родители и дети, и друзья, которые не виделись месяцами, годами, встречают друг друга, эти ряды

ломаются и перестраиваются, оливковая зелень перемешивается с кружащимися сари, тонет в цветах, барабанах и чалмах. Поистине, это Народная Армия. По крайней мере, сейчас. И слова товарища Мао о том, что партизаны – это рыба, а народ – вода, в которой она плавает, – являются правдой в самом буквальном смысле.

Председатель Мао. Он тоже здесь. Быть может, ему немного одиноко, но и он тут присутствует. Его фотография – на красном полотняном экране. Там есть и Маркс. И Чару Мазумдар, основатель и главный теоретик наксалитского движения. Его колкая риторика превращает в фетиш насилие, кровь и мученичество, в ней используется столь резкий язык, что это почти граничит с призывами к геноциду. Стоя здесь в день Бхумкала, я невольно думаю, что его анализ, жизненно важный для самой структуры этой революции, вместе с тем очень далек от ее эмоциональности, от ее фактуры. Когда он говорил, что только «кампания по уничтожению» сможет породить «нового человека, который бросит вызов смерти и освободится от всех своекорыстных мыслей», то мог ли он вообразить, что его мечты лягут на плечи этого древнего народа, танцующего всю ночь напролет?

Всему, что здесь происходит, очень вредит то, что единственное, что доходит отсюда во внешний мир, – это жесткая, несгибаемая риторика партийных идеологов, порожденная полным трудностей прошлым. Когда Чару Мазумдар произнес свою знаменитую фразу: «Китайский председатель – это наш председатель, китайский путь – это наш путь», – то он готов был расширить свое утверждение вплоть до того, что наксалиты хранили молчание, когда генерал Яхья Кхан творил геноцид в Восточном Пакистане (Бангладеше), потому что в ту пору Китай был союзником Пакистана. Молчание было ответом и Красным Кхмерам и их массовым расстрелам в Камбодже. Молчание окружало и вопиющие перегибы китайской и русской революций. Молчание – вокруг Тибета. Внутри самого движения наксалитов тоже случались страшные перегибы, и многое из того, что они творили, невозможно оправдать. Но разве может что-нибудь сравниться с отвратительными достижениями Конгресса и БДП в Пенджабе, Кашмире, Дели, Бомбее, Гуджарате... И все же, невзирая на эти ужасающие

противоречия, во многом из того, что писал и говорил Чару Мазумдар, он оказался настоящим провидцем. Партия, которую он основал (как и многие отколовшиеся от нее группировки), сохранила его мечту о революции – она до сих пор живет и крепнет в Индии. Представьте себе общество без такой мечты! Уже за одно это мы не можем судить его чересчур сурово. В особенности, пока мы сами барахтаемся в свивальнике из благостной чепухи Ганди о превосходстве «пути ненасилия», из его представлений об опеке: «Богачу останется его богатство, из которого он будет пользоваться той частью, которая ему необходима для разумного обеспечения личных нужд, и будет действовать как опекун оставшейся части, которая будет использоваться во благо общества».

Впрочем, очень странно и то, что нынешние царьки индийского истеблишмента – государства, которое так беспощадно уютжило наксалитов, – сейчас повторяют то, что когда-то давно говорил Чару Мазумдар: «Китайский путь – это наш путь».

Вверх тормашками. Шиворот-навыворот.^x

Китайский путь переменялся. Китай уже сделался могучей державой и хищнически кормится другими странами, посягает на природные ресурсы других народов. Но партия по-прежнему права, просто... партия переменяла мнение.

Когда партия выступает в роли поклонника (как сейчас обстоит дело в Дандакаранье), который добивается расположения народа, внимательно прислушивается ко всем его нуждам, тогда она действительно становится Народной партией, а ее армия – действительно Народной армией. Но после революции – до чего легко этому роману превратиться в злополучный брак! Как легко была народная армия может обратить оружие против собственного народа! Сегодня в Дандакаранье партия хочет, чтобы бокситы оставались внутри горы. А что, если завтра она переменит мнение? Но разве можно, чтобы наши опасения по поводу будущего парализовали нас сегодня?

Танцы будут продолжаться всю ночь. Я возвращаюсь обратно в лагерь. Там Маасе, она не спит. Мы болтаем до глубокой ночи. Я даю ей почитать книжку Неруды «*Стихи капитана*» (я на всякий случай захватила ее с собой). Он

вновь и вновь спрашивает: «А что думают о нас там, далеко? Что говорят студенты? Расскажи мне о женском движении, какие там главные проблемы?» Она расспрашивает про меня, про мои книжки. Я стараюсь как можно честнее познакомить ее с тем хаосом, в котором живу. Потом она заговаривает о себе, о том, как вступила в партию. Рассказывает, что ее друга убили в мае прошлого года на фальшивой «встрече». Его схватили в Нашике и повезли убивать в Варангал. «Его наверняка зверски пытали». Она как раз собиралась с ним встретиться, когда узнала, что его схватили. С тех пор она все время в лесу. Она надолго умолкает, а потом рассказывает, что когда-то давно, много лет назад, была замужем. «Его тоже убили на встрече, – говорит она – и добавляет с разрывающей сердце точностью: – только на настоящей».

Я лежу без сна на своем джхилли, думая о затяжной печали Маасе, слушая барабанный бой и звуки затяжной радости с праздничной площадки, и вспоминаю идею Чару Мазумдара о затяжной войне – эту главную заповедь маоистской партии. Из-за нее люди думают, что предложения маоистов вступить в «мирные переговоры» – это обман, всего лишь уловка, позволяющая выиграть время, передохнуть, чтобы затем перегруппироваться, перевооружиться и снова продолжить затяжную войну. А что такое затяжная война? Ужасная ли это вещь сама по себе – или это зависит от характера самой войны? Что, если бы люди здесь, в Дандакаранье, не вели свою затяжную войну в течение последних 30 лет? Где бы они были сейчас?

И неужели маоисты – единственные приверженцы идеи затяжной войны? Почти с самого момента провозглашения своей независимости Индия превратилась в колониальную державу, которая занимается аннексией территорий и ведением войн. Она всегда без колебаний прибегала к военному вторжению для решения политических проблем – можно вспомнить Кашмир, Хайдарабад, Гоа, Нагаланд, Манипур, Телангану, Ассам, Пенджаб, наксалитское восстание в Западной Бенгалии, Бихаре, Андхра-Прадеше и теперь еще в племенных областях Центральной Индии. Государство безнаказанно убивало десятки тысяч людей, подвергало пыткам сотни тысяч. И все это – под милостивой маской демократии. Против кого велись все эти войны?

Против мусульман, христиан, сикхов, коммунистов, дали-тов, адиваси – и, прежде всего, против бедняков, которые смеют усомниться в справедливости собственной участи вместо того, чтобы принимать швыряемые им крохи. Трудно не видеть и того, что индийское государство – это, в основе своей, государство индусов из высших каст (вне зависимости от того, какая партия находится у власти), которое питает рефлексивную вражду к «другим». И потому оно – в истинно колониальных традициях – посылает нага и мизо воевать в Чхаттисгарх, сикхов – в Кашмир, кашмирцев – в Ориссу, тамиллов – в Ассам, и так далее. Если это не затяжная война, тогда что же?

Неприятные мысли для такой красивой звездной ночи. Сукхдев улыбается сам себе, его лицо освещает экран компьютера. Он – сумасшедший трудоголик. Я спрашиваю его, чему он смеется. «Да я вспомнил про журналистов, которые приезжали сюда в прошлом году на празднование Бхумкала. Они пробыли тут день или два. Один сфотографировался с моим АК, а потом вернулся к себе и обозвал нас «машинами смерти», или как-то там еще».

Танцы еще не прекратились, а уже светает. Ряды не распадаются, сотни молодых людей продолжают танцевать. «Они не остановятся, – говорит товарищ Раджу, – пока мы не начнем собираться в путь».

На площадке я сталкиваюсь с товарищем Доктором. Он устроил маленький медпункт на краю танцплощадки. Мне хочется расцеловать его толстые щеки. Но почему же тут не 30 врачей – вместо одного-единственного? Почему не тысяча врачей? Я спрашиваю у него, как обстоит со здоровьем в Дандакаранье. От его ответа у меня кровь в жилах холодеет. У большинства осмотренных им людей, сказал он, включая ПАНОВцев, уровень гемоглобина находится между показателями 5 и 6 (тогда как 11 – нормальный показатель для индийской женщины). Есть случаи туберкулеза, вызванного хронической анемией, продолжавшейся больше двух лет. Маленькие дети страдают от белкового голодания второй степени, которая в медицине называется еще и квашиоркором. (Потом я посмотрела в словарях это слово. Оно заимствовано из языка га в прибрежной Гане и означает «болезнь, которой заболевает ребенок после рож-

дения младшего ребенка». Суть в том, что старший ребенок лишается материнского молока, и ему начинает недоставать пищи для нормального роста.) «Тут недоедание – настоящая эпидемия – как в Биафре, – говорит товарищ Доктор. – Я и раньше работал в деревнях, но никогда еще такого не видел».

Кроме того, тут есть малярия, остеопороз, ленточный червь, опасные ушные и зубные инфекции и первичная аменорея – когда вследствие недоедания в период полового созревания у женщины пропадает или вообще не наступает менструальный цикл.

«В этом лесу нет больниц, кроме одной или двух в Гадчироли. Нет врачей. Нет лекарств».

Теперь он ушел вместе со своей маленькой командой – через восемь дней они должны дойти до Абуджмада. Теперь и он, товарищ Доктор, одет в «дресс». Так что, если его найдут, то тоже убьют.

Товарищ Раджу говорит, что нам небезопасно продолжать стоять здесь лагерем. Надо уходить. Окончание Бхумкала – это множество растянувшихся во времени прощаний.

Lal salaam, lal lal salaam,

Jaane wale saathiyon ko lal lal salaam

(Красный привет уходящим товарищам)

Phir milenge, phir milenge

Dandakaranya jungle mein phir milenge

(Мы еще увидимся когда-нибудь в лесу Дандакаранья)

К ней никогда не относятся легкомысленно – к этой церемонии прибытия и ухода, потому что всем известно: когда говорят «мы еще увидимся», то имеют в виду «мы можем никогда больше не увидеться».

Товарищ Нармада, товарищ Маасе и товарищ Рупи уходят в разные стороны. Увижу ли я их когда-нибудь еще?

И вот мы снова идем. С каждым днем становится все жарче. Камла срывает для меня первый плод тенду. По вкусу он похож на чикку. Я становлюсь фанатиком тамаринда. На сей раз мы разбиваем лагерь у реки. Женщины и мужчины купаются группами по очереди. Вечером товарищ Раджу получает целый пакет «бисквитов». Новости такие:

- 60 человек, схваченных в Манпурском секторе в конце января 2010 года, до сих пор не предстали перед Судом.
- На юг Бастара стянут огромный контингент полиции. Намечаются беспорядочные нападения.
- 8 ноября 2009 в деревне Качларам, Биджапур Джила, были убиты Дирко Мадка (60 лет) и Коваси Суклу (68 лет).
- 24 ноября в деревне Пангоди был убит Мадави Баман (15 лет).
- 3 декабря убит Мадави Будрам из Коренджада
- 11 декабря в деревне Гумиапал, секция Дарба, убито 7 человек (имена пока не выяснены).
- 15 декабря в деревне Котрапал убиты Веко Сомбар и Мадави Матти (обе из КАМС).
- 30 декабря в деревне Вечапал убиты Поонем Панду и Поонем Моту (отец и сын).
- 10 января 2010 (дата неизвестна) в деревне Кайка, Гангалаур, убит глава джанатана-саркара.
- 9 января 4 человека убиты в деревне Сурпангооден, район Джагаргонда.
- 10 января 3 человека убиты в деревне Пуллем Пуллади (имена пока не выяснены).
- 25 января 7 человек убиты в деревне Такилод, район Индравати.
- 10 февраля (в день Бхумкала) в деревне Думаар, Абуджхмад, изнасилована и убита Кумли. Она была из деревни Пайвер.
- Войска численностью 2000 человек из Индо-Тибетской пограничной полиции (ИТПП) расположились лагерем в лесах Раджнандгаон.
- В Канкер прибыли дополнительные войска BSF численностью 5000 человек.

А затем:

- ПАНО набрала необходимую квоту.

Пришли и кое-какие устаревшие газеты. В прессе много пишут о наксалитах. Один крикливый заголовок отлично передает политический климат: “*Khadedo, Maaro, Samarpan Karao*” («Уничтожьте, убейте, заставьте их капитулировать»). А под этим: “*Vaarta ke liye loktantra ka dvar khula hai*” («Дверь демократии всегда открыта для переговоров»). Вторая газета сообщает, что маоисты выращивают коноплю на продажу. В третьей напечатана редакционная статья, где сказано, что тот самый район, где мы разбили лагерь, где мы ходим, полностью взят под полицейский контроль.

Юные коммунисты забирают газетные вырезки, чтобы поупражняться в чтении. Они ходят вокруг лагеря и громко зачитывают антимаоистские статьи, передразнивая дикторов радио.

Новый день. Новое место. Мы разбили лагерь на окраине деревни Усир, под огромными деревьями мадуки. Мадука недавно начала цвести и теперь роняет на лесную землю свои бледно-зеленые цветки, как драгоценности. Воздух напоен их слегка опьяняющим ароматом. Мы ждали детей из Бхатпальской школы, которая была закрыта после столкновения в Онгнааре. Ее превратили в полицейский лагерь. Детей отослали по домам. То же самое относится к школам в Нелваде, Моонджметте, Эдке, Ведомакоте и Дханоре.

Дети из Бхатпальской школы так и не появились.^{xi}

Товарищ Нити (Самая Разыскиваемая) и товарищ Винод ведут нас на долгую прогулку, чтобы показать оросительные установки для урожая и ирригационные пруды, устроенные местным джанатана-саркарком. Товарищ Нити рассказывает о многочисленных сельскохозяйственных проблемах, с которыми приходится сталкиваться. Орошается только 2% земель. В Абуджхмаде еще 10 лет назад о пахоте и не слышали. С другой стороны, в Гадчироли уже проникают гибридные семена и химические пестициды. «Нам требуется срочная помощь в департаменте сельского хозяйства, – говорит товарищ Винод. – Нам нужны люди, разбирающиеся в семенах, в органических пестицидах, в пермакультуре.* Если бы нам хоть чуть-чуть помогли, мы бы многого добились».

* Permaculture (от perma<nent agri>culture) – такой способ производства пищевой продукции, энергии и т.д., при котором не истощаются природные ресурсы земли.

Товарищ Раму – фермер, в чьем ведении находится земля джанатана-саркара. Он с гордостью водит нас по полям, где выращивают рис, бринджал (баклажаны), гонгуру, лук, кольраби. Потом, с такой же гордостью, показывает нам огромный, но совершенно пересохший ирригационный пруд. Это еще что такое? «В нем вода не накапливается даже в сезон дождей. Он вырыт в неправильном месте, – говорит он и расплывается в улыбке. – Это не наш пруд – его выкопал *лутти-саркар* (правительство грабителей*)». Значит, здесь действуют две параллельных системы власти – джанатана-саркары и лутти-саркары.

Я думаю о том, что сказал мне товарищ Вену: они хотят раздавить нас не только из-за залежей полезных ископаемых, но еще и потому, что мы предлагаем миру альтернативную модель.

Это еще не Альтернатива – эта идея Грам-Свараджа** с Автоматом. Здесь слишком свирепствуют голод и болезни. Но эта идея, безусловно, создала возможность некоей альтернативы. Не для всего мира, не для Аляски, не для Нью-Дели и даже, пожалуй, не для всего Чхаттисгарха, а для самой себя. Для Дандакараньи. Это самая оберегаемая тайна на свете. Она заложила основы для альтернативы собственному уничтожению. Она бросила вызов истории. Несмотря на гигантский перевес сил не в свою пользу, она создала программу собственного выживания. Ей нужна помощь и вооружение, ей нужны врачи, учителя, земледельцы.

Ей не нужна война.

Но если война – это все, что ей достается, тогда она тоже будет сражаться.

В течение нескольких следующих дней я знакомлюсь с женщинами, работающими в КАМС, с различными чиновниками джанатана-саркаров, с членами Дандакаранья Адиваси Кисан Маздоор Сангатхана (ДАКСМ), с семьями погибших, и с самыми обыкновенными людьми, которые пытаются выдержать тяготы жизни в эти страшные времена.

Я познакомилась с тремя сестрами – Сукхиари, Сукдаи и Суккали – из Нарайанпурского района. Они не молоды, им, пожалуй, лет за 40. В КАМС они состоят у же

* Looti-sarkar – от англ. loot «грабить».

** Грам-Сварадж «деревенское самоуправление», от грам (*хинди*) индийская деревня, swaraj <санскр. swa «свой», «само-» и гауа «правление».

12 лет. Деревенские жители полагаются на них в стычках с полицией. «Полиция является сюда отрядами от 200 до 300 человек. Они тащат все что можно: украшения, цыплят, свиней, котлы и горшки, луки и стрелы, – рассказывает Суккали. – Даже ножа в доме не оставят». Ее дом в Иннаре сжигали дважды – один раз это был батальон нага, другой – CRPF. Сукхиари однажды схватили и семь месяцев продержали в тюрьме в Джагдалпуре. «Однажды они увели целую деревню, заявив, что все мужчины – наксалиты». Сукхиари последовала за ними вместе с женщинами и детьми. Они окружили полицейский участок и отказывались уходить, пока мужчин не освободили. «Когда они кого-то уведут, – говорит Сукхаи, – то нужно немедленно идти следом и стараться отбить их. Пока не написали рапорта. Когда они что-то записывают в свои журналы, тогда уже трудно что-то сделать».

Сукхиари, которую ребенком похитили и насильно выдали замуж за человека много старше ее (она сбежала и поселилась вместе с сестрой), сейчас занимается организацией массовых митингов, выступает на них с речами. Мужчины ищут у нее защиты. Я спросила у нее, что для нее значит партия. “*Naxalvaad ka matlab hamara parivaar*” («Наксалваад – это как семья для нас»). Когда мы слышим об очередном нападении, то это все равно, как если бы с нашей семьей случилась беда», – говорит Сукхиари.

Я спросила ее, знает ли она, кто такой Мао. Она застенчиво улыбнулась: «Он был вождь. Мы трудимся, чтобы его мечты сбылись».

Я познакомилась с товарищем Сомари Гауде. Ей всего 20 лет, а она уже отсидела двухлетний срок в тюремном заключении в Джагдалпуре. Он находилась в деревне Иннар 8 января 2007 года, в тот день, когда деревню оцепили 740 полицейских, так как у них появилась информация, будто там находится товарищ Нити. (Она там действительно была, но успела уйти ко времени появления полиции.) Зато там находилось деревенское ополчение, в котором состояла Сомари. На рассвете полицейские открыли огонь. Они убили двух парней – Суклаля Гауде и Качроо Готу. Затем схватили троих других – двух парней, Дусри Салама и Ранай, и Сомари. Дусри и Ранай связали и застрелили. Сомари избивали так, что она была за волосок до смерти. Полиция прицепила к

трактору трейлер и нагрузила его телами убитых. Сомари посадили туда вместе с трупами и повезли в Нарайанпур.

Я познакомилась с Чамри, матерью товарища Дилипа, застреленного 6 июля 2009 года. Она рассказывает, что после того, как полицейские убили ее сына, они привязали его тело к шесту, как звериную тушу, и понесли с собой. (Для получения денежного вознаграждения им нужно предъявлять тела убитых – иначе добычу может присвоить кто-то другой.) Чамри бежала за ними всю дорогу до полицейского участка. Когда они туда дошли, на теле ее сына уже не осталось ни клочка одежды. По пути, говорит Чамри, они оставили тело у дороги, а сами зашли в *дхабу* выпить чая с печеньем. (Бесплатно.) Представьте себе на миг эту мать, которая идет по лесу следом за трупом сына и ждет в стороне, пока его убийцы чаевничают. Они не разрешили ей забрать тело сына и достойно похоронить его. Они лишь позволили ей бросить горсть земли в яму, где похоронили остальных убитых в тот же день. Чамри говорит, что жаждет мести. *Badla ku badla*. Кровь за кровь.

Я познакомилась с избранными членами джанатаны-саркара Марсколы, в ведении которого шесть деревень. Они описали мне полицейский рейд: приходят ночью – по 300, 400, иногда по 1000 человек. Оцепляют деревню и ждут в засаде. На рассвете они захватывают первых людей, вышедших в поля, и, используя их как живой щит, входят в деревню, чтобы те показали им, где находятся мины-ловушки. (Это слово, «буби-трэп», уже вошло в язык гонди. Все улыбаются, когда произносят или слышат его. Лес полон этих мин-ловушек, настоящих и фальшивых. Даже ПАНУ нуждается в проводниках, чтобы безопасно проходить мимо деревень.) Войдя в деревню, полицейские грабят, обкрадывают и поджигают дома. Они являются с собаками. Собаки ловят тех, кто пытается убежать. Они гоняются за цыплятами и свиньями, и полиция отстреливает их и складывает к себе в мешки. Вместе с полицией приходят ОП. Они как раз знают, где у людей спрятаны деньги и драгоценности. Они хватают и уводят людей из дома. И выуживают деньги из тайников, прежде чем тех отпустят. Они всегда носят с собой несколько лишних наксалитских «дрессов» на тот случай, если им придется кого-нибудь убить. Они же получают де-

нги за убитых наксалитов – так почему бы не сфабриковать их? Деревенские жители боятся оставаться дома.^{xii}

В этом лесу, таком с виду спокойном, жизнь, похоже, целиком милитаризована. Людям знакомы такие слова, как Оцепление, Обыск, Обстрел, Наступление, Отступление, Атака, Боевые Действия. Чтобы собрать урожай, им нужен патруль часовых из ПАНУ. Обычный поход на рынок – настоящая боевая операция. На рынках полно *мухбир* (осведомителей), которых полиция выманила из деревень денежными посулами. Мне говорят, что в Нарайанпуре имеется *мухбир-мохалла* (колония осведомителей), где живет по меньшей мере 4000 мухбир. Мужчинам уже нельзя ходить на рынок. Туда ходят женщины, но и за ними внимательно следят. Если они купят хоть чуть-чуть больше продуктов, чем обычно, то полиция обвинит их в том, что они закупают еду для наксалитов. Аптекарям не разрешают продавать людям лекарства иначе, как в самых малых количествах. Дешевые продукты из Системы Общественного Распределения (СОР), сахар, рис, керосин продаются на складах, размещенных или поблизости от полицейских участков, или прямо на их территории, так что многие лишены возможности их покупать.

Статья 2 Конвенции Организации Объединенных Наций о Предотвращении и Наказании за Преступление Геноцида определяет его вот как:

Любое из следующих действий, совершенных с намерением уничтожить, целиком или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу: убийство членов группы; причинение серьезного телесного или психического вреда членам группы; намеренное навязывание группе таких условий жизни, которые могут привести к ее физическому уничтожению, целиком или частично; навязывание мер, призванных помешать деторождению внутри группы; [или] насильственное перемещение детей из группы в другую группу.

Кажется, ходьба совершенно вымотала меня. Я устала. Камла приносит мне кувшин с горячей водой. Я моюсь в темноте, укрывшись за деревом. Ужинать я не в силах

– просто залезаю в спальник, чтобы уснуть. Но товарищ Раджу объявляет, что нужно уходить. Разумеется, такое часто случается, но сегодня вечером это особенно тяжело. Мы уже расположились лагерем на открытой поляне. Услышали вдалеке взрывы артиллерийских снарядов. Нас 104 человека. И вот снова мы выстраиваемся гуськом и шагаем сквозь ночную тьму. Стрекот сверчков. Запах, похожий на лаванду. Наверное, был уже двенадцатый час, когда мы пришли на то место, где будем ночевать. Обнажения скальных пород. Построение. Переключки. Кто-то включает радио. Би-Би-Си сообщает о нападении на лагерь «Винтовок Восточной Границы» в Лалгархе, Западная Бенгалия. 60 маоистов на мотоциклах. Убито 14 полицейских. 10 пропало без вести. Похищено оружие. В строю слышен довольный шепот. Кто-то берет интервью у маоистского лидера Кишенджи. «Когда вы прекратите это насилие и вступите в переговоры?» – «Когда прекратится операция «Зеленая Охота». В любое время. Передайте Чидамбараму, что мы будем вести переговоры». Следующий вопрос: «Сейчас темно, вы заложили фугасы, сейчас вызвано подкрепление – вы на них тоже нападете?» Кишенджи: «Да, разумеется, иначе меня побьют». Смех в строю. Сукхдев-разъяснитель говорит: «Они всегда говорят про фугасы. А мы не используем фугасы. Мы закладываем СВУ (самодельные взрывные устройства)».

Еще один номер-люкс в тысячезвездочном отеле. Я чувствую себя неважно. Начинается дождь. Слышно какое-то хихиканье. Камла набрасывает на меня джхилли. Что мне еще надо? Остальные тоже просто заворачиваются в джхилли.

На следующее утро число жертв в Лалгархе увеличилось: 21 убитый, 10 пропавших без вести.

Товарищ Раджу задумчив сегодня утром. Мы выходим в путь только вечером.

Однажды вечером люди слетаются, как мошки, на источник света. Это крошечный компьютер товарища Сукхдева, питающийся от солнечной батареи; все смотрят «Мать Индию», и дула их автоматов выступают силуэтами на фоне неба. Только Камле, похоже, неинтересно. Я спрашиваю ее, любит ли она смотреть кино. “*Nahin didi. Sirf ambush video*” («Нет, диди. Только видеозаписи засад»). Позже я спрашиваю товарища Сукхдева про эти видеозаписи засад.

Не моргнув глазом, он поставил для меня одну такую запись.

Вначале – кадры с видами Дандакараньи, реки, водопады, крупным планом – голая ветка дерева, пронзительная птичья перекличка. И вдруг – какой-то товарищ привязывает к ветке СВУ и скрывает его под сухими листьями. Подрывается кавалькада мотоциклистов. Показаны изувеченные тела и горящие мотоциклы. Похищается оружие. Троих полицейских, видимо, травмированных, связывают.

Кто это снимал? Кто руководил операцией? Кто убеждает захваченных полицейских, что их выпустят, если они сами сдадутся? (Их потом действительно отпустили. Я это выяснила позже.)

Мне знаком этот мягкий, убедительный голос. Это голос товарища Вену.

«Это была засада в Кудуре», – говорит товарищ Сукхдев.

У него имеется целый видеоархив с сожженными деревьями, со свидетельствами очевидцев и родственников погибших. На обгорелой стене сожженного дома – надпись: “*Nagaa!*” («Рождены убивать!»). Отснятый материал про мальчика, которому отрубили пальцы в ознаменование начала Бастарской главы в операции «Зеленая Охота». (Есть даже телевизионное интервью со мной. Мои исследования. Мои книжки. Странно.)

Ночью по радио опять передают новости об очередном нападении наксалитов. На сей раз в Джамуи, Бихар. Говорится, что 125 маоистов напали на деревню и убили 10 человек из племени койа в отместку за то, что они передали полиции информацию, которая привела к гибели шести маоистов. Разумеется, мы знаем, что официальные новостные сообщения могут и не быть правдивы. Но если это правда, тогда такие действия непростительны. Видно, что товарищам Раджу и Сукхдеву явно не по себе.

Новости, поступающие из Джхаркханда и Бихара, тревожат. До сих пор у всех на слуху отвратительная казнь полицейского Фрэнсиса Индувара, которому отрезали голову. Это напоминание о том, как легко дисциплина армейской борьбы способна выливаться в люмпенские всплески преступного насилия, или в уродливые личные войны между различными кастами, общинами и религиозными группами. Индийское

государство, фактически узаконивая произвол своими действиями, превратило страну в очаг напряженности и массового бесчинства. Правительство жестоко ошибается, если думает, что, совершая «прицельные убийства» с целью «обезглавить» КПИ(М), оно положит конец насилию. Наоборот, насилие будет только разрастаться и ужесточаться, и тогда уже правительству не с кем будет вести переговоры.

В последние несколько дней моего пребывания здесь мы блуждаем по прекрасной, пышной долине Индравати. Идя вдоль склона горы, мы видим еще одну цепочку людей, идущих в ту же сторону, только по другому берегу реки. Мне говорят, что они идут в деревню Кудур на митинг против строительства плотины. Они будут выступать открыто, при них нет оружия. Местный сбор в долине. Я покидаю своих и присоединяюсь к этим людям.

Бодхгхатская плотина затопит всю территорию, по которой мы идем уже столько дней. Весь этот лес, всю эту историю, все эти рассказы. Больше 100 деревень. Значит, вот какой план? Потопить людей, как крыс, чтобы река досталась сталеплавильному заводу с полным металлургическим циклом в Лохандигуде, бокситовым рудником и заводу по очистке алюминия на Кешкальском перевале?

На митинге люди, пришедшие за много миль отсюда, говорят одно и то же, говорят то, что мы слышим уже годами: «Мы утонем, но не уйдем отсюда!» Их приводит в трепет мысль, что рядом с ними – человек из Дели. Я говорю им, что Дели – это жестокий город, который не желает ни знать, ни заботиться о них.

Всего за несколько недель до приезда в Дандакаранию я побывала в Гуджарате. Сардар-Сароварская плотина почти полностью возведена. И сбылись практически все до одного предсказания Нармада Бачао Андолана (НБА). Переселенные люди так и не восстановлены в правах, но это само собой разумеется. Каналы не построены: нет денег. Поэтому воды Нарвады отводятся в пустое русло Сабармати (давно уже перегороженной другой плотинной). Основную часть воды поглощают большие города и крупные промышленные предприятия. Последствия движения нисходящих потоков – проникновение соленой воды в устье, где нет ручных вод, – становится невозможно сдерживать.^{xiii}

Когда-то убежденность в том, что Большие Плотины являются «современными храмами Индии», была ошибочной, но хотя бы объяснимой. Сегодня же, после всего того, что случилось, когда мы знаем все то, что мы знаем, – следует признать, что Большие Плотины – это преступление против человечества.

Проект строительства Бодхгхатской плотины был отложен в 1984 году, после протестов местных жителей. А теперь кто его остановит? Кто помешает заложить первый камень? Кто не даст украсть у людей Индравати? Кто-то же должен это сделать.

В последнюю ночь мы стояли лагерем у подножья крутого холма, на который взобрались на следующее утро, чтобы выйти на дорогу, где меня должен был подобрать мотоцикл. Лес заметно изменился даже с того дня, когда я вошла в него. Уже зацвели чираунджи, шелково-хлопковые деревья и манго.

Жители деревни Кудура прислали огромный котел со свежельвленной рыбы. И вот список для меня – здесь перечислена 71 разновидность фруктов, овощей, бобовых и насекомых, которых они добывают в лесу и выращивают в полях, и указана их рыночная стоимость. Это просто список. Но еще это и карта их мира.

Приходит почта из джунглей. Два «бисквита» для меня. Стихотворение и спрессованный цветок от товарища Нармады. Милое письмо от Маасе. (Кто же она? Узнаю ли я это когда-нибудь?)

Товарищ Сукхдев спрашивает, можно ли ему скачать к себе в компьютер музыку с моего айпода. Мы слушаем запись, где Икбал Бано исполняет песню Фаиза Ахмада Фаиза “*Hum Dekhenge*” («Мыждемся этого дня») на знаменитом концерте в Лахоре в разгар репрессий в годы Зиа-уль-Хака.

Jab ahl-e-safa-Mardud-e-haram,

Masnad pe bithaiye jayenge

(Когда еретики и оскорбленные усядутся высоко)

Sab taaj uchhale jayenge

Sab takht giraye jayenge

(Все короны будут похищены

Все троны рухнут)

Hum dekhenge

(Мыждемся этого дня)

И пятьдесят тысяч слушателей там, в Пакистане, принимаются скандировать нараспев: *Inqilab Zindabad! Inqilab Zindabad!* И вот, спустя столько лет, этот припев отдается эхом в здешнем лесу. Странные порой заключаются союзы.

Министр внутренних дел туманно угрожал тем, кто «ошибочно оказывает маоистам интеллектуальную и материальную помощь». Интересно, к обмену музыкальными записями это тоже относится?

На рассвете я прощаюсь с товарищами Мадхавом и Джоори, с маленьким Мангту и со всеми остальными. Товарищ Чанду пошел договариваться насчет мотоциклов, он пойдет со мной до главной дороги. Товарищ Раджу не пойдет (карабканье в гору вредно для его коленок). Товарищ Нити (Самая Разыскиваемая), товарищ Сукхдев, Камла и еще пятеро товарищей проводят меня до вершины холма. Когда мы выходим в путь, Нити и Сукхдев вроде бы невзначай, но одновременно щелкают предохранителями своих АК. Я впервые вижу, как они это делают. Мы приближаемся к «Границе». «Знаешь, что надо делать, если мы попадем под обстрел?» – мимоходом спрашивает Сукхдев, как будто это самая естественная вещь на свете.

«Да, – отвечаю я. – Немедленно объявлять бессрочную голодовку».

Он сел на камень и рассмеялся. Мы поднимались не меньше часа. Уселись в скальном углублении прямо под дорогой, в настоящем укрытии, будто в засаде, и слушали, не зашумят ли мотоциклы. Когда они приедут, прощаться нужно будет очень быстро. Лал Салаам, Товарищи!

Когда я оглянулась, они еще стояли на месте. Махали мне. Живой клубок. Люди, живущие со своими мечтами – тогда как остальной мир живет со своими кошмарами. Каждую ночь я вспоминаю об этом путешествии. Об этом ночном небе, об этих лесных тропах. Я вижу пятки товарища Камлы в истрепанных чапалах, освещенных лучом моего фонарика. Я знаю, она опять в пути. Она шагает не только ради самой себя, но и для того, чтобы надежда продолжала жить для всех нас.